

М. В. Квитницкий

КАМЕННЫЕ ХРАМЫ ЛЕТОПИСНОГО ЮРЬЕВА: ЭТАПЫ СТРОИТЕЛЬСТВА И ПЛАНИРОВАНИЯ

Долгое время локализация летописного Юрьева была предметом научной дискуссии, основной проблемой которой было отсутствие каменного храма в предполагаемых пунктах. Раскопками 1980-х гг. под руководством Р. С. Орлова в г. Белая Церковь были открыты фундаменты храма древнерусского времени. Храм был интерпретирован как трёхапсидное четырёхстолпное сооружение и датирован концом XII — первой половиной XIII вв. Последующее осмысление материалов заставило авторов исследований поставить под сомнение эту интерпретацию. В 2011 и 2014 гг., в связи с идеей музеефикации фундаментов и архитектурного воссоздания храма, были проведены новые исследования и повторно раскрыты фундаментные кладки. Новые материалы позволяют утверждать, что последовательно существовали две каменные постройки. Первый храм, возведённый во второй половине XI в., был полностью разобран в первой трети XIII в. Здание второго храма построено из материалов первого, с участием зодчих киевской школы и западноевропейских строителей. Последние привнесли новую технику кладки и новые материалы — брусковый кирпич и известково-песчаный раствор. Фундаменты второго храма полностью не исследованы, но есть основания предполагать, что новый храм был пятиапсидным.

Ключевые слова: *Белая Церковь, Юрьев, Замковая гора, церковь святого Георгия, брусковый кирпич, пальчатка, литовский кирпич, поварня, Древняя Русь.*

Одним из важных городов, игравшим заметную роль в развитии земель Южной Руси, был летописный Юрьев — современная Белая Церковь. Основание и развитие Юрьева связано с этапами создания и укрепления Поросской защитной порубежной линии, проведёнными в период княжения Ярослава Мудрого (1019—1054) и его потомков Ярославовичей (Квитниц-

кий 2007, с. 18, 20—23). Юрьев стал наиболее значительным экономическим, политическим и религиозным центром на южной границе. В письменных источниках древнерусского времени намного чаще, чем о самом городе, встречаются сообщения о местной епархии (под 1072, 1089, 1091, 1113, 1115, 1122, 1147, 1183, 1197, 1231 годами). Её основание было связано с необходимостью обращения в христианство «своих поганых» — кочевников, переходивших на службу к киевским князьям (Иванченко, Орлов 1986, с. 1).

Локализация городища летописного города долгое время была предметом дискуссий. Возможными местами расположения Юрьева назывались городище Райгородок, г. Белая Церковь или городище Палиева гора на окраине Белой Церкви (Орлов, Моця, Покас 1985, с. 30, 31; Иванченко, Орлов 1986, с. 2). Основная проблема при проведении локализации была связана с необходимостью выявления сооружения древнего храма, который должен был быть главным культовым сооружением Юрьевской епархии. Первую убедительную археологическую локализацию летописного Юрьева осуществили в 1961 г. М. Ю. Брайчевский и П. А. Трохимец (Брайчевский, Трохимец 1961). Окончательно выводы М. Ю. Брайчевского и П. А. Трохимца были подтверждены научными исследованиями 1978, 1980—1983 гг., проведёнными Белоцерковской экспедицией ИА АН УССР под руководством Р. С. Орлова. В 1980-х гг. возле северного бастиона Белоцерковской крепости на площади 280 м² был исследован (согласно Р. С. Орлову, А. П. Моце и П. М. Покасу) «епископский храм города» (рис. 1). От храма частично сохранился фундамент. Наиболее полно были изучены фундаментные кладки

северної та центральної апсид, а також северної стіни. Тут збереглося від одного до трьох рядів кладки фундаменту. Перший ряд клад-

ки северної стіни складався з валунів граніту, які досягали в сеченні 0,5—0,7 м. З такого ж каменя був складений виступ під лопат-

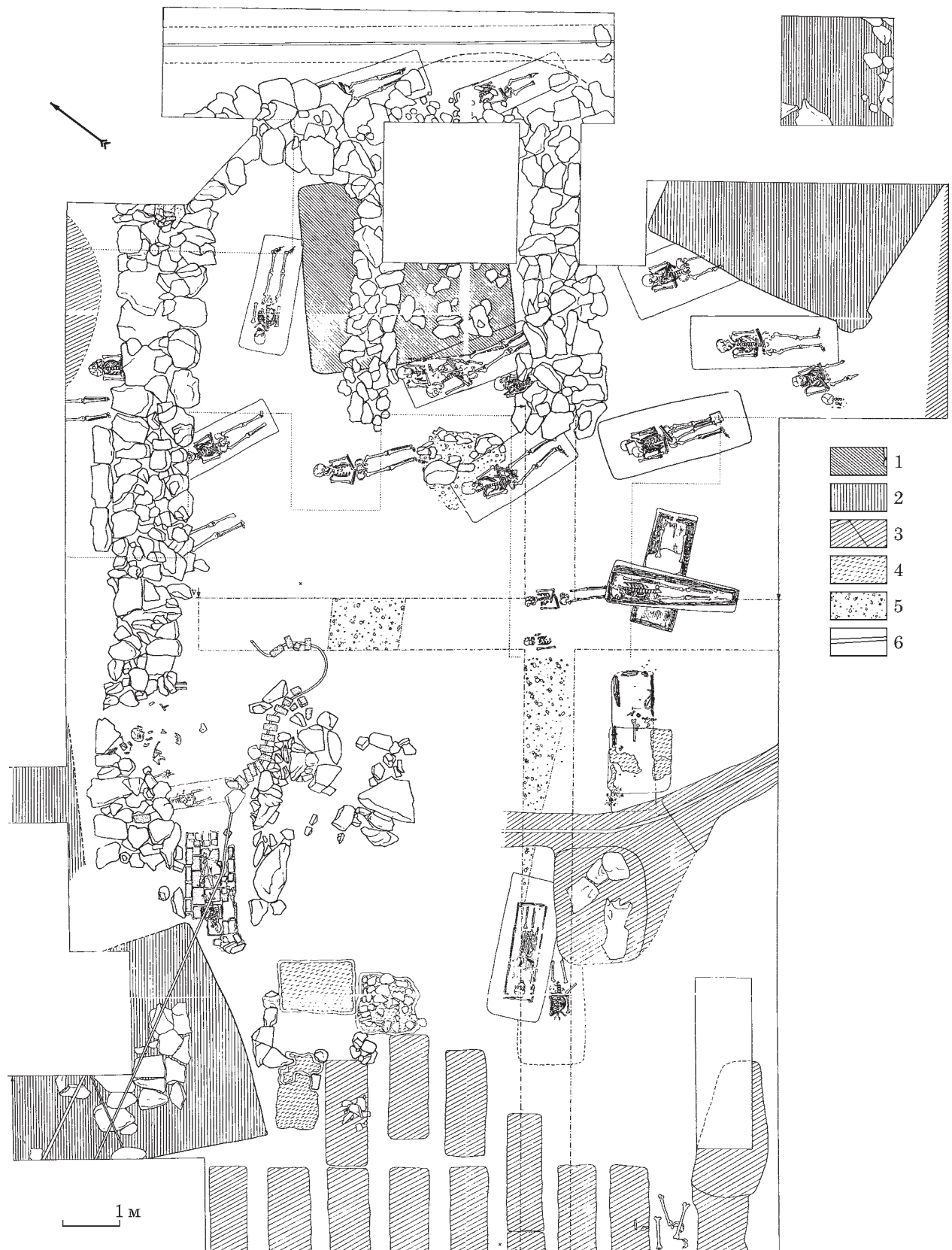

Рис. 1. Общій план відкритої площі з фундаментами храму за результатами досліджень 1980-х гг.: 1 — будівля XI в.; 2 — будівля XVII—XVIII вв.; 3 — перекопи XX в.; 4 — лінзи розчину XIX—XX вв.; 5 — лінза зі будівельним мусором і розчином XII—XIII вв.; 6 — комунікації (по Орлов, Моця, Покас 1985)

ку. Внутренняя забутовка слагалась из более мелких камней. Фундамент апсид также был выложен из камней меньшего размера. Стены и верх фундаментной кладки не сохранились; прослежено несколько участков в месте состыковки фундамента северной стены и апсид, где зафиксированы участки выравнивающей кладки. Ширина кладки — 1,4—1,5 м, в апсидах — до 1 м. Отмечено, что в качестве раствора в кладке фундамента использована глина, часть кладки сложена насухо. Крупных скоплений строительных завалов стен не зафиксировано, однако большое количество строительных материалов найдено в котловане севернее апсид храма. Длина храма определена по отдельным находкам камней кладки западной стены. В месте вероятного северо-западного угла храма располагался водораспределительный колодец. Около него, с внутренней стороны северной стены был исследован саркофаг, сложенный из брускового кирпича и плинфы. Было отмечено отсутствие следов повторного использования строительных материалов (использованных при возведении саркофага — М. К.), что дало основание высказаться о серьёзном аргументе в пользу мнения об одновременном сооружении храма и саркофага. Сделан вывод, что храм относится к трёхапсидным четырёхстолпным строениям. Его предполагаемый размер — около 18 м в длину и 12 м в ширину. Храм датирован по плинфе в пределах конца XII — первой половины XIII вв. Кроме этого, был исследован древнерусский христианский могильник в количестве 36 захоронений. Из них 25 комплексов имели отличающуюся от храма ориентировку, часть находилась под фундаментом апсид. Погребениям XI в. предшествовала постройка с керамикой XI в. (Орлов, Моця, Покас 1985, с. 43—45).

На этапе завершения исследований фундамента храма Р. С. Орлов отметил, что есть все основания считать, что первоначальный храм был построен из плинфы, а затем основательно перестроен с применением брускового кирпича. Либо, что наиболее вероятно, был возведён второй храм неподалёку от первого, и этот второй храм был обнаружен и исследован экспедицией. Исследователь отметил также и мнение В. А. Булкина, который считал, что древний храм из плинфы был перестроен на старой основе, или серьёзно отремонтирован с применением «литовского» кирпича и плинфы, повторно использованной для строительства (Орлов 1984, с. 20).

Несколько позже исследователь скорректировал свои выводы и уже в 1986 г. Р. С. Орлов и Л. И. Иванченко высказали мнение, что первая Юрьевская церковь, скорее всего, была деревянной, отстроена в камне во второй половине XII ст. и отремонтирована в конце XII — начале XIII в. или предполагалось, что церковь более раннего времени размещалась в другом

месте Замковой горы. Датировка храма была определена в пределах второй половины XII — первой половины XIII вв., на основании находок плинфы и брускового кирпича. Повторно подчёркивалось, что исследованный храм был трёхапсидным четырёхстолпным сооружением (Иванченко, Орлов 1986, с. 10, 11).

Открытие фундаментов храма сразу было признано специалистами и дополнило перечень известных каменных сооружений древнерусского времени (Раппопорт 1982, с. 31). Относительно датировки фундаментных кладок храма П. А. Раппопорт предположил, что сооружение было построено в первой половине 80-х годов XII в. Касательно брускового кирпича, исследователь выразил сомнение в его датировке XIII в., и заметил, что исходя из толщины юрьевского кирпича (6,5 × 7,5 см) он может относиться ко времени XV—XVI вв. (Раппопорт 1989, с. 208) ¹.

Стоит отметить, что ещё в процессе полевого исследования в 1983 г. В. А. Булкин, анализируя разноформатную плинфу, высказывал соображение о возможном отображении в ней следов ремонта либо существовании храма-предшественника. Исследователь отметил, что было сделано более 100 промеров плинфы, и по формату белоцерковский кирпич ближе всего к плинфе храма в Нестеровском переулке, церкви Гнилецкого монастыря, малого храма в Белогородке, ротонды. В. А. Булкин датировал храм концом XII — первой половиной XIII в. Вместе с этим отметил, что такая датировка условна и говорить в этом случае можно только о зачислении белоцерковского храма к этой группе сооружений (Булкин 1984, с. 6, 9, 11). Уже в 1991 г., касаясь вопроса рассмотрения результатов исследований, В. А. Булкин подчеркнул, что от храма частично сохранились фундаменты алтарной части и северной стены. Исследователь считал, что оснований для полной реконструкции плана храма как трёхапсидного строения недостаточно, поскольку не сохранилось никаких следов южной и западной стен. Кроме этого, он отметил, что ширина смежных нефов на уровне фундаментов оказывается почти одинаковой, что противоречит традиционному соотношению боковых и центрального нефов и может быть принятым лишь при условии значительной корректи-

1. Необходимо заметить, что П. А. Раппопорт в принципе долгое время не воспринимал датировку брускового кирпича «пальчатки» условным «домонольским» временем. Исследователь был убеждён, что она появилась уже после монгольского нашествия. Позже он допустил появление такого кирпича на Руси, но не ранее времени преодоления последствий землетрясения 1230 г., когда часть храмов Киева была сильно повреждена, что обусловило срочную необходимость их восстановления и появление польских строительных артелей (Раппопорт 1989).

ровки плана при возведении стен (рис. 2). Дополнительно отмечено, что кладка сложена без раствора из крупных колотых камней, подошва фундамента лежит на материке, глубина его заложения 0,7—0,8 м, ширина 1,4—1,5 м. В работе автор приводит и характеристики строительных материалов. Так, размер плинф, найденных в развале кладок, составлял $26\text{—}28 \times 19\text{—}21 \times 3,5\text{—}4,5$ см. Размеры брускового кирпича прослежены в пределах $24,5\text{—}26,5 \times 10,7\text{—}11,5 \times 5,2\text{—}7$ см, поливных плиток — $10,7 \times 10,5 \times 1,2\text{—}1,5$ см. Указано, что встречались плитки меньшего размера со стороной 5,2 см и толщиной 2—2,5 см. Исследователем также отмечено, что известны факты присутствия в кладке древнерусских построек наряду с плинфой брускового («литовского») кирпича. А в случае с храмом Юрьева проблема заключена в том, что неизвестно, велась ли первоначальная кладка сразу из кирпичей того либо иного типов, или «литовский» кирпич появился при ремонтах и перестройках более позднего времени (Булкин 1991, с. 24, 25).

Значительно позже тезисы В. А. Булкина с точностью повторили Р. С. Орлов и А. В. Стародуб, признав сомнительной интерпретацию исследованного фундамента, как остатков трёхапсидного четырёхстопного сооружения. Опираясь на письменный источник — Кодинову роспись епархий, бывших в составе Киевской митрополии, исследователи сделали вывод, что первый построенный на Замковой горе храм был, вероятно, соборным (епархиальным) в честь св. Георгия, о чём говорит греческое название летописного Гюргева (Юрьева) — «город Церкви св. Георгия на реке Рось». Авторы предположили, что первое сооружение было деревянным или каменным и размещалось в стороне от более поздней, как минимум третьей по времени постройки церкви, остатки фундаментов которой были обнаружены на северном участке Замковой горы во время археологических раскопок 1981—1983 гг. Они повторили предположения относительно даты сооружения исследованного храма, которую, по аналогиям с плинфой с ротонды, храма в Нестеровском переулке в Киеве, церкви Гнилецкого монастыря и малого храма в Белгороде, определили концом XII — первой половиной XIII в. Отмечено, что вместе с такой плинфой использовался и брусковый

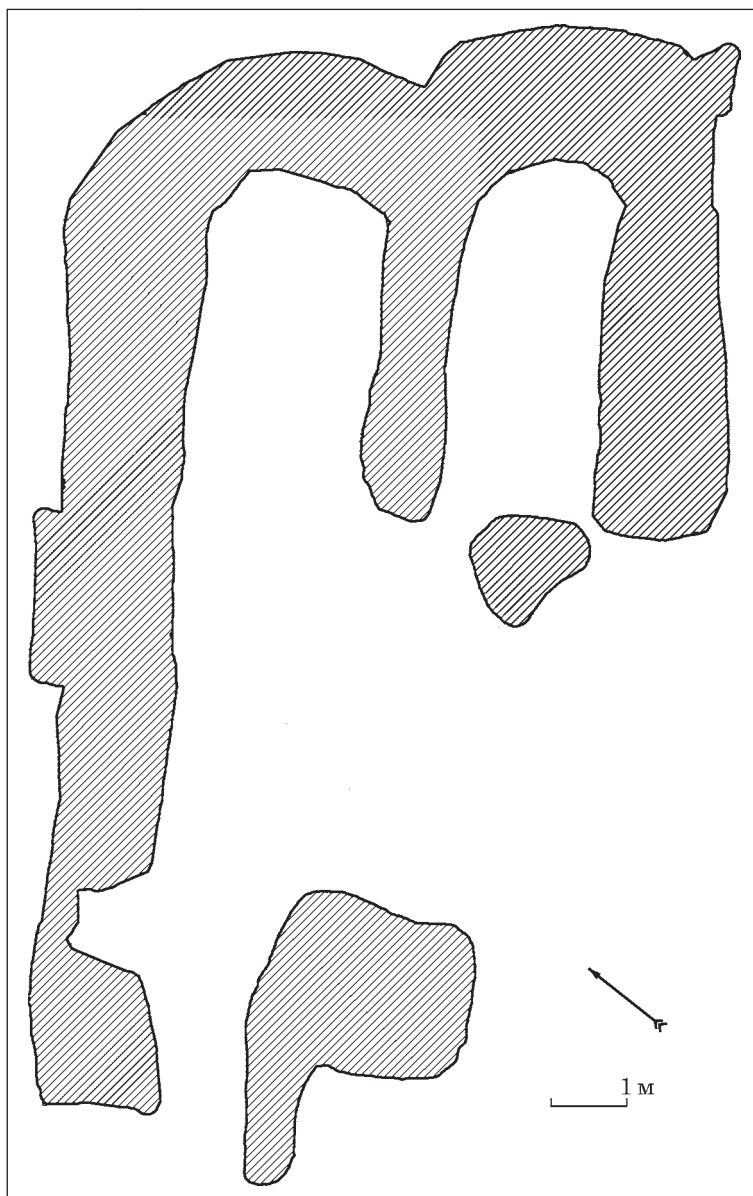

Рис. 2. Абрис фундамента по результатам исследований 1980—1983 гг. (калька автора)

кирпич. По мнению исследователей, использование различных по технике кирпичей свидетельствует о вторичном употреблении плинфы или о значительных ремонтных работах, мало отличавшихся от нового строительства (Орлов, Стародуб 2008, с. 54, 55).

Открытие и изучение в 1980-х гг. остатков каменного фундамента культового сооружения древнерусского времени позволило окончательно поставить точку в сомнениях и полностью подтвердить локализацию летописного Юрьева в пределах Замковой горы современного г. Белая Церковь. Вместе с тем нельзя считать решёнными вопросы о времени постройки этого сооружения и датировки начального использования такого строительного материала, как брусковый кирпич-пальчатка (известный ещё как «литовский» кирпич). Проблема локализации месторасположения здания первого храма

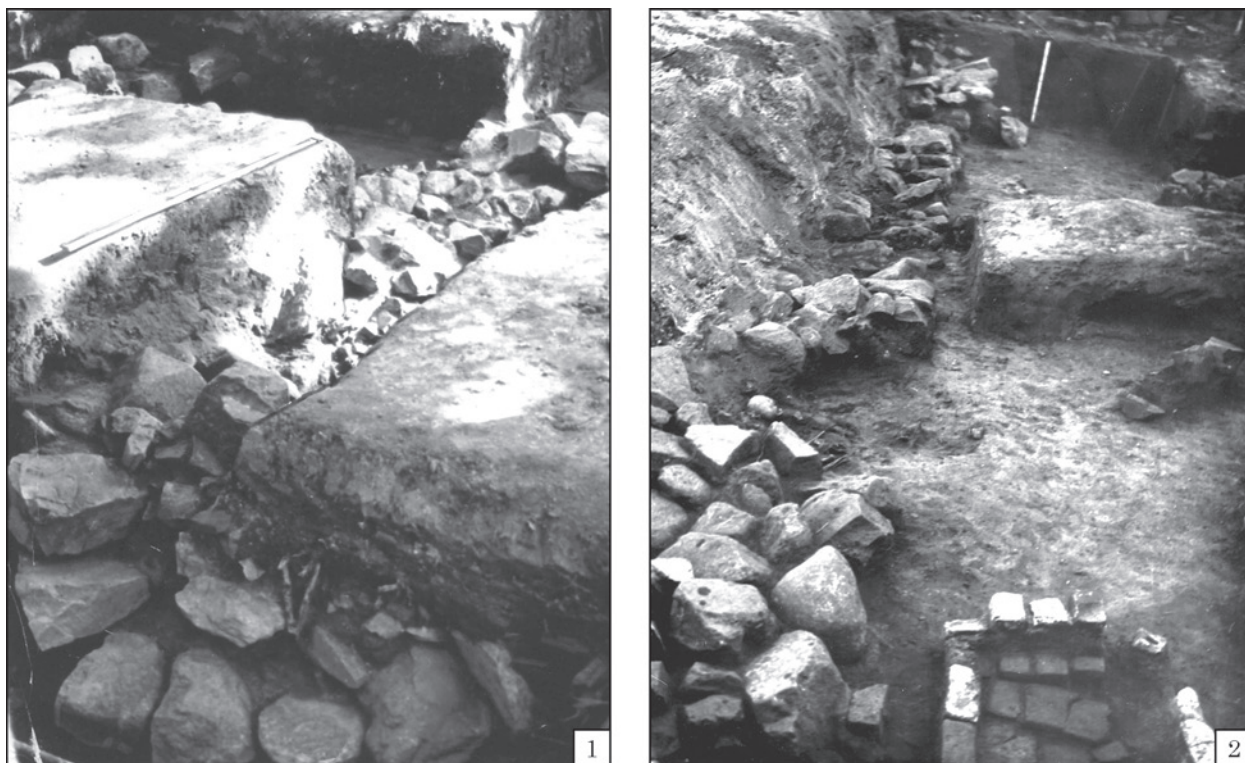

Рис. 3. Раскопки 1983 г., кладки: 1 — северной апсиды; 2 — северной стенки (1 — по Орлов, Моця, Покас 1985; 2 — фото личного архива Р. С. Орлова)

(рядом с которым возник могильник XI в.) не решена. Нет окончательного понимания относительно материалов, из которого он был возведён. Неизвестен план первого храма XI в., а также не совсем ясен план второго храма, датированного концом XII — первой половиной XIII в.

Рассмотрение полевых чертежей 1980-х гг. фундаментов апсид, в том числе опубликованных, и общего абриса кладок отчётливо показывают искажённую, как для трёхапсидного храма, геометрию фундаментов (рис. 1, 2). Фундамент «центральной» апсиды, в отличие от серии классических трёхапсидных храмов не доминирует, а наоборот является несколько утопленным. Он отнюдь не выглядит как классический центральный элемент композиции трёхапсидного сооружения. Привлекает внимание и очевидный, по сравнению с боковой апсидой, чрезмерно малый размер «центральной» апсиды — это все невозможно объяснить ошибками чертежа при полевой фиксации или ошибками строителей храма. Зафиксированная очевидная диспропорция фундаментов апсид в целом не позволяет считать убедительной реконструкцию этого храма как трёхапсидного. Прямое сравнение размеров апсид Юрьевского храма с такими памятниками каменной архитектуры, как церковь Успения на Подоле, Кирилловская церковь в Киеве, малый храм в Зарубинцах, церковь Георгия в Каневе, церковь Двенадцати Апостолов в Белогородке и многих других (рис. 4), резко противоречит

реконструкции Юрьевского храма как трёхапсидного сооружения. Зафиксированное пропорциональное соотношение в апсидах очень близко планам таких памятников как собор Троицкого монастыря на Кловке, относимый к концу XII в. и Борисоглебского собора Смядынского монастыря середины XII в. в Смоленске (Раппопорт 1982, с. 81, 82, 128, 129). Также они повторяют план северных апсид Успенского собора Московского кремля постройки 1326—27 гг. (Федоров 1985, с. 57) и близки планам северного участка апсид Георгиевского собора Юрьева-Польского с пристроенным не позже 1252 г. Троицким приделом с апсидой (Раппопорт 1982, с. 64). Здесь следует учитывать, что вышеуказанные памятники относятся к постройкам с пристроенными галереями либо притворами, что в археологическом плане выражено фиксацией четких следов двойного ряда фундаментов от основной и достроенной стен. Последняя особенность не прослеживалась при исследованиях фундаментов в Белой Церкви. Между тем, такие пропорции планов боковых апсид характерны и для каменных сооружений, сразу сооружаемых с пятью апсидами. К примеру, обратимся к плану Софиевского собора в Киеве (рис. 5: 1). Совмещение в едином масштабе, реальных абрисов сохранившейся части северной стенки и двух апсид храма из Белой Церкви на план пятиапсидного Софиевского собора показывает их практически полную идентичность (рис. 5: 2). Последнее позволяет предварительно трактовать остатки

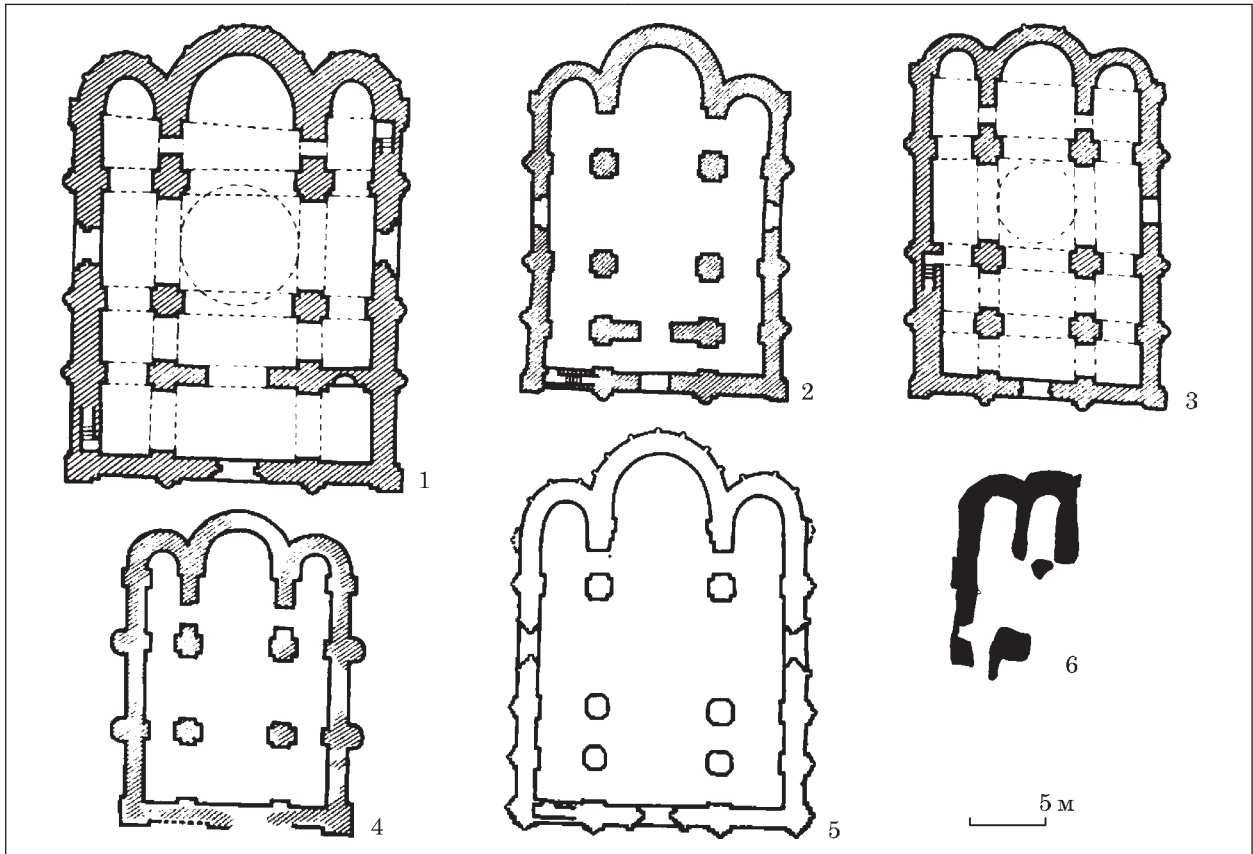

Рис. 4. Планы фундаментов традиционных построек с тремя апсидами: 1 — Киев, Кирилловская церковь; 2 — Киев, церковь Успения на Подоле; 3 — Канев, церковь Георгия; 4 — Зарубинцы, малый храм; 5 — Белогородка, церковь 12 апостолов; 6 — Белая Церковь, церковь св. Георгия (1—5 — по Раппопорт 1982)

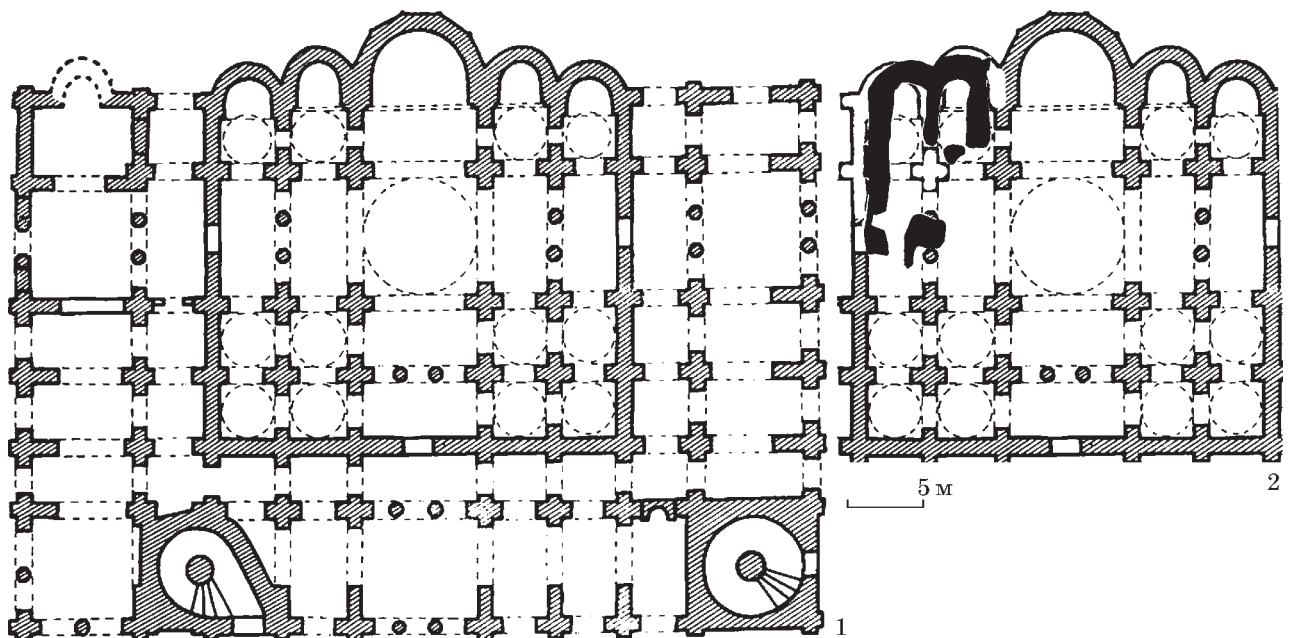

Рис. 5. План фундаментов постройки с пятью апсидами: 1 — собор Софии Киевской; 2 — с наложением фундаментов храма Георгия в Белой Церкви (1 — по Раппопорт 1982)

исследованных фундаментов, как часть пяти-апсидной композиции.

Понятны сомнения П. А. Раппопорта относительно датировки брускового кирпича. Фундаменты сохранились фрагментарно, массив

кладки не обнаружено. Прослеженные размеры брускового кирпича из храма Юрьева по толщине действительно несколько отличаются от таких кирпичей из других каменных сооружений с датировкой концом XII — первой по-

ловины XIII в. (Раппопорт 1989, с. 209)¹. Добавлю также, что информация (объясняющая хронологию этого типа строительных материалов) о находках плинфы и брускового кирпича в культурном слое, в заполнении объектов в раскопе и в южной части Замковой горы (Орлов, Моця, Покас 1985, с. 44; Иванченко, Орлов 1986, с. 10) осталась раскрытой не полностью. Неизвестно, в каких именно объектах, с каким набором инвентаря и на каких уровнях заполнения были обнаружены находки плинфы, и особенно кирпича-пальчатки во время исследований 1980—1983 гг.

В 2011 и 2014 гг. вернулись к археологическому изучению северной части площадки Замковой горы и части каменных фундаментов храма, исследованного в 1980-х гг. Р. С. Орловым, благодаря меценатской деятельности К. А. Ефименко по музеефикации фундаментов и архитектурному воспроизведению храма времён Киевской Руси. В 2011 г. экспедиция ИА НАН Украины в составе А. В. Петраускаса, М. В. Квитницкого, В. Ю. Непомящего и при активном участии А. В. Стародуба и С. Б. Ризныка провела исследования на площади в 500 м² в северной части площадки. В 2014 г. были полностью раскрыты остатки части фундаментов храма в пределах площади исследований 1980-х гг. — 280 м².

В результате работ 2011 г. было исследовано 47 разновременных объектов (Квитницкий, Непомящих, Петраускас 2013). Для реконструкции этапов каменного зодчества Юрьева и датировки строительных материалов важными являются находки, полученные при исследовании двух объектов — углублённой постройки первой половины XII в. и наземного сооружения середины XIII в.

Постройка первой половины XII в. (объект 25) зафиксирована на уровне 2,05 м от современной поверхности (рис. 6: 1). Котлован размером 4,2 × 4,5 м, ориентирован по линии север — северо-восток — юг — юго-запад. Стенки отвесные с плавным переходом в дно. Глубина заполнения 1,55 м, дно находилось на уровне 3,55—3,6 м от современной поверхности. В восточной-северо-восточной стенке, располагались вырезанные в материковом лёссовом основании входные ступеньки шириной 25—30 см и длиной около 90 см. Сохранились

нижняя последняя и часть предпоследней — остальные срезаны котлованом сооружения середины XVII — начала XVIII вв. (объект 22). Посередине, напротив ступенек входа, находилась столбовая яма диаметром 15 см и глубиной 22 см. По углам сооружения также обнаружены столбовые ямы диаметром 30—40 см и глубиной 40—60 см. Вплотную, к юг—юго-западной стенке примыкала вырезанная в материковом суглинке ступень — лавка высотой 60 см и шириной 30—35 см.

Посередине постройки располагались остатки большой купольной печи, точный геометрический абрис которой установить не удалось. В верхней части форма печи приближена к полукруглой форме, на уровне пода — подквадратная со скруглёнными углами, общий размер конструкции в пределах 2 × 2 м. Печь устьем развёрнута ко входу, расположенному со стороны северо-восточной стенки (рис. 6: 1). Купол и верхняя часть стенок обвалились вовнутрь. Стенки были выведены из массива мешаного лёссовидного суглинка и гранитных камней, выложенных полукругом. Сохранились на высоту 80 см (в одном месте 90 см). Основу стен печи составляли восемь крупных камней (пять с остатками известкового раствора) размерами от 30 × 40 × 27 до 25 × 17 × 31 см. Они располагались полукругом диаметром 1,8 м. На высоте 0,7—0,8 м был выложен пояс из гранитных камней, большинство из которых были с остатками известкового раствора (рис. 6: 2—4). В общем, при возведении стен печи использовано 26 камней размером от 18 × 17 × 13 до 25 × 34 × 27 см. На восьми камнях с юго-восточной стороны зафиксированы следы копоти, которая была скрыта в лёссовом массиве стенок и не являлась следствием функционирования печи. При выбирании заполнения печи в верхнем горизонте массива завала купола обнаружено скопление из фрагментов плинфы толщиной 3,9—5,2 см. Также в завале купола и на части бортиков стенок печи найдены обломки глазурованных плиток с поливой жёлтого и зелёного цвета. Подовая часть печи не имела следов подмазки, и располагалась на уровне пола — фактически являлась частью пола. Поверхность пода волнисто-сглаженная, слабо прокалённая.

Керамическая коллекция из заполнения представлена более 250 фрагментами гончарной керамики второй половины XI — первой половины XII вв. В основном это фрагменты горшков, сосуд — амфорка с узким горлом (рис. 7), фрагмент крышки, а также придонная часть и обломки средней части от двух амфор. Среди керамики насчитывается 41 венчик от разных сосудов. Из них 21 экземпляр представляет тип венчика с выраженным небольшим валиком по внутреннему краю. Такие венчики встречаются среди керамических наборов комплексов с датировками от последней четверти XI — до начала XIV вв., но в целом, наиболее

1. В то же время назвать эти отличия такими уж и существенными нельзя. Приведённая П. А. Раппопортом таблица размеров показывает, что юрьевская пальчатка соотносится не менее чем с четырьмя различными памятниками, где был найден брусковый кирпич. Отличие от этих памятников в стройматериалах Юрьева выражено исключительно в стабильном показателе толщины кирпича в 6,5—7,5 см, в то время как толщина брусчатого кирпича из других памятников более вариабельна и колеблется по находкам с одного памятника в значениях от 6,5 до 9,5 см.

Рис. 6. Использование строительных материалов XI в. в постройке первой половины XII в.: 1 — постройка первой половины XII в.; 2—4 — камни с остатками известкового цемянчного раствора в теле печи (фото автора)

характерны для времени XII—XIII вв. Остальные 20 венчиков относятся к типу манжетовидных с различными формами оформления манжета и к комбинированным, сочетающим слабовыраженный манжет и намеченный валик по внутреннему краю.

Керамика с такими морфологическими особенностями конструкции венчика относится ко времени XI — первой половины XII вв. Установлен факт сочетания находок венчиков с манжетами и венчиков с валиками по внутреннему краю в материалах объектов XII в. Эти особенности керамических наборов зафиксированы в древнерусских объектах XII в. памятников на киевском Подоле, в Григоровке Черкасской области, а также в серии жилых и производственных (горны) объектов в Кошеевке Киевской области (Калюк, Сагайдак 1988; Козюба 1998; Лысенко и др. 2012).

Таким образом, керамическая коллекция позволяет твёрдо датировать объект в пределах первой половины XII в. Индивидуальные находки такой датировке не противоречат.

Тип исследованной постройки сначала был определён как сооружение жилого назначения с необычным расположением теплотехнического сооружения — посередине. Опираясь на особенности расположения печи и специфику части фрагментов керамической посуды сделано предположение о том, что указанный объект связан с представителями кочевников, ассимилированных древнерусским обществом (Квітницький, Непомящих, Петраускас 2013, с. 97). Дальнейшее изучение вопроса позволило установить, что данная постройка имеет не жилое, а, скорее, хозяйственное назначение и относится к так называемым поварням. К примеру, исследования Н. Н. Фараджаевой на ма-

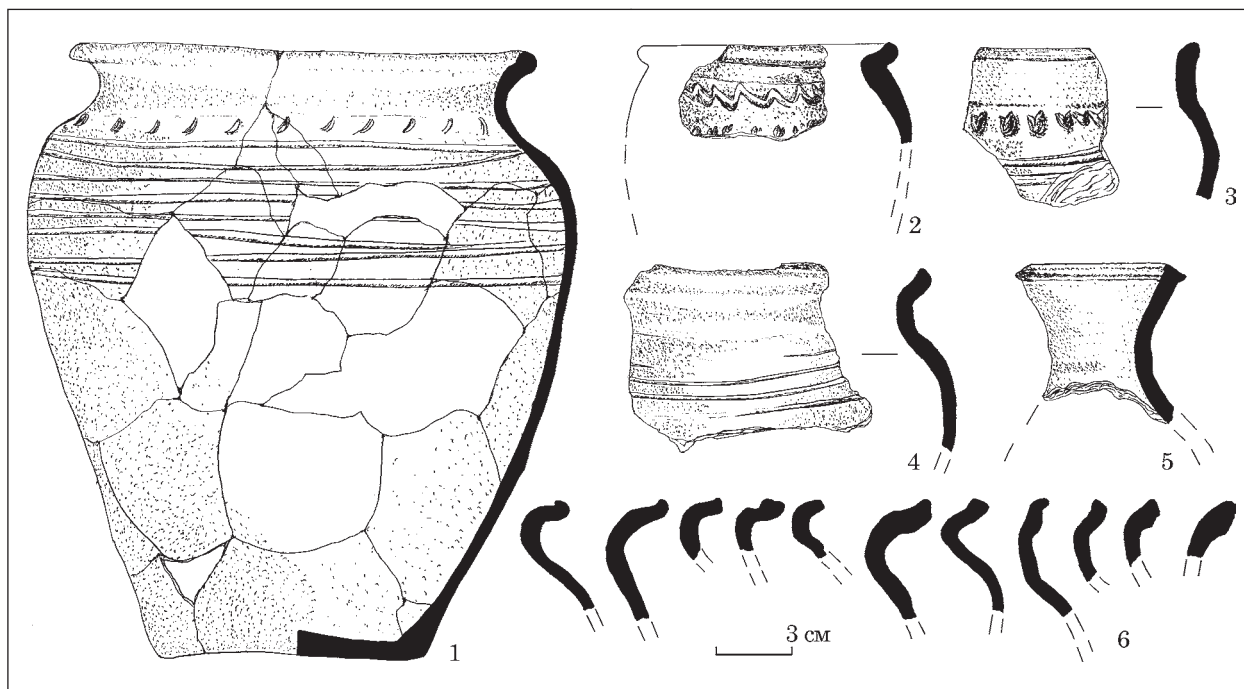

Рис. 7. Керамическая посуда из заполнения постройки первой половины XII в. (объект 25) (рисунок автора)

териалах Троицкого и Неревского раскопов в Новгороде позволили установить, что постройки с таким типом планировки немногочисленны, по времени бытовали от X до XV в. Малые постройки (с площадью до 25 м²) с отопительными устройствами по центру использовались в хозяйственных и ремесленных целях, то есть в качестве дворовых печей и поварен (Фараджаева 2017, с. 33, 46).

В контексте изучения вопроса каменного строительства в Юрьеве, безусловно, наиболее интересными являются находки обломков плинфы, гранитных камней и моренных валунов со следами известкового раствора, а также поливных керамических плиток, использованных в конструкции печи. Плинфа представлена крупными и мелкими обломками кирпичей толщиной 3,9 × 5,2 см, целых форм не обнаружено. Глиняное тесто плотно вымешано с включениями песка, зернистых конкреций чёрного цвета (0,1—1 см) и обломков кварцита размерами 0,2—2 см в поперечнике. Цвет обжига варьировался от красно-коричневого до жёлто-коричневого, с преобладанием желтоватой цветовой гаммы.

Поливные плитки представлены фрагментами, выявленными на уровне фиксации пятна заполнения, и 4 находками, связанными непосредственно из заполнением печи (см. далее: рис. 17: 2, 3). Из этих четырёх находок один фрагмент плитки с поливой жёлтого цвета, размером 36 × 45 мм и толщиной 14 мм. Глиняное тесто равномерно вымешано, с примесью песка, обожжено до бело-розового цвета. Остальные три фрагмента с поливой жёлтого цвета, размерами 136 × 118 мм, толщиной 27 мм;

74 × 65 мм, толщиной 14 мм и 53 × 57 мм, толщиной 25 мм. На двух фрагментах плитки с жёлтой поливой прослежены пятна сильного температурного воздействия. Полива здесь со следами «вскипания» и цветовых изменений с жёлтого на серо-зелёный цвет. Глиняное тесто хорошо вымешано с примесью песка, цвет обжига фрагментов с «вскипевшей» поливой — тёмно-розовый и красный, цвет обжига третьего фрагмента бело-бежевый.

Камни с тела печи представлены окатанными валунами и бутом местного гранита серого цвета. Следы известкового раствора на камнях имеют вид плёнки и крупниц неразмешанной извести. На нескольких камнях в составе раствора прослежены редкие включения 1—2 мм фракций толчённой плинфы.

Для определения датировок плинфы из объекта мы обратились за консультацией к Д. Д. Ёлшину. Непосредственно ознакомившись с коллекцией плинфы из объекта и культурного слоя памятника, исследователь сделал ряд заключений. Касательно плинфы из печи постройки первой половины XII в. отмечено: «...толщина 4—5 см, тесто светло-бежевого цвета, с крупными включениями кварца и черными выпалами от их пережога, со следами использования неразъемной рамки (вертикальные следы на торцах и подтеки на торцах снизу, следы песчаной подсыпки на нижней постели, следы снятия излишка на верхней постели). Ближайшие аналогии — Успенский собор Киево-Печерского монастыря, церковь Бориса и Глеба в Вышгороде. Скорее всего, последняя треть XI в. Кроме этого, одна плинфа размерами 19+ × 16+ × 3—3,5 см, на нижней

постели грубые вдавленные широкие глубокие непараллельные полосы в продольном направлении, торцы ровные, со следами заглаживания и ангоба. Скорее всего, середина XI в...».

В отношении материалов, происходивших из объектов и отложений слоёв XVII—XVIII вв., Д. Д. Ёлшиным отмечено наличие, в основном, плинфы толщиной 4,5—6 см с обжигом светло-жёлтого и розово-коричневого цвета. Глиняное тесто таких экземпляров задресовано, без выпалов, встречаются вдавленные бортики. Ближайшими аналогиями названы материалы из Михайловского Златоверхого собора и ремонта Десятинной церкви. Один обломок плинфы размером 17+ × 21 × 5 см также имел задресованное глиняное тесто, обжиг серо-белого цвета и включения редких выпалов. На верхней постели прослежены выпуклые продольные борозды (возможно, нанесённые гребёнкой). Ближайшая аналогия такой плинфы в комплексе с керамическим тестом известна в материалах Михайловского Златоверхого собора. Датировка таких находок была определена, как, скорее всего, первая треть XII в. Также исследователем отмечены находки двух фрагментов плинф толщиной 2,5 см со скошенными гладкими торцами и гладкой нижней постелистой поверхностью. Ближайшие аналогии этим изделиям происходят из кладки Десятинной церкви конца X в. Д. Д. Ёлшин высказался что: «...Разброс типов плинфы (включая плинфу типа Десятинной церкви конца X в. и плинфу типа Софии Киевской второй трети XI в.) говорит о том, что по крайней мере часть плинфы была привезена, очевидно, из Киева...»¹.

Итак, в первой половине XII в., скорее всего, в начале века, в летописном Юрьеве, недалеко от зоны расположения могильника XI в. сооружается объект хозяйственного (кухонного) назначения — поварня. В производственной конструкции этого сооружения (печи) используются камни со следами известкового цемяночного раствора. Также при обустройстве купола и жаровни печи были использованы куски плинфы и декоративная плитка со следами «закипания» поливы. Характер строительных материалов, использованных при возведении печи, однозначно указывает, что они были взяты из существующей каменной постройки, которая на момент обустройства поварни уже имела следы разрушений. Общая хронология материалов, происходящих из заполнения объекта, позволяет утверждать, что это каменное сооружение уже существовало на момент разгрома Юрьева половцами в 1096 г. А, учитывая епископский статус города, данные материалы можем определенно связывать с культовой постройкой.

1. Выражаю искреннюю благодарность Денису Дмитриевичу Ёлшину за проведённые определения и высказанное мнение в этом вопросе.

Помимо поварни первой половины XII в., заведительствовавшей существование в конце XI в. каменной постройки, необходимо обратиться и к материалам исследований Р. С. Орлова. В отчёте за 1980 г. упоминается, что в пределах раскопа 1, в хозяйственной яме 3, заполненной золой и кусками обожжённой обмазки, были найдены фрагменты половых плиток толщиной 1,9 см с поливой жёлтого цвета. Керамический материал из объекта был датирован XI в. (Орлов 1981, с. 14). В статье, вышедшей в 1986 г., указывается, что эта хозяйственная яма связана с подземным «коридором» постройки XI в., которая погибла во время большого пожара. Керамический материал из этого комплекса представлен горшками с манжетовидными венчиками. Зафиксированные факты дали возможность Л. И. Иванченко и Р. С. Орлову соотнести полученные материалы с данными летописей о пожаре в городе в конце XI в. и бегстве жителей на Витачёвские холмы (Иванченко, Орлов 1986, с. 5, 10, рис. 7: 1—5). Таким образом, находки из ещё одного, более раннего, археологического объекта второй половины XI в. указывают на существование в Юрьеве постройки с материалом для вымостки пола в виде керамических плиток с поливой жёлтого цвета.

Находка половой плитки в объекте конца XI в., находки плинфы, половой плитки и камней в известковом растворе в объекте первой половины XII в. в целом является достаточным основанием и для определения времени сооружения этой ранее не прослеженной и на сегодня не сохранившейся каменной постройки — вторая половина XI в. Такой датировке не противоречит и сделанное Д. Д. Ёлшиным определение хронологии плинфы из печки, датированной временем середины и последней трети XI в.

Второй объект, исследованный в 2011 г., относится к наземным хозяйственным сооружениям первой половины XIII в. и имеет ярко выраженные признаки мукомольного и крупорушного производства. Сооружение каркасно-столбовой конструкции (объект 23 а—в) полностью было оконтурено и зафиксировано на уровне 1,7 м от современной поверхности. Представлено остатками придонных заполнений трёх отдельных ям — углублений и одной столбовой ямой. Уровень впуска, по яме 23а, прослеживался с глубины 1,3 м от современной поверхности. Детальную конфигурацию постройки установить не удалось вследствие сильного нарушения культурного слоя позднейшими углублениями от построек и ям XVII—XVIII вв., плотных рядовых захоронений немецких солдат 1941—1943 гг., и особенно, остатков бетонных и каменных фундаментов от здания середины XX в. — ресторана «Рось».

Объект 23а — яма овальной формы с углестым заполнением (рис. 8: 1). Ориентирована

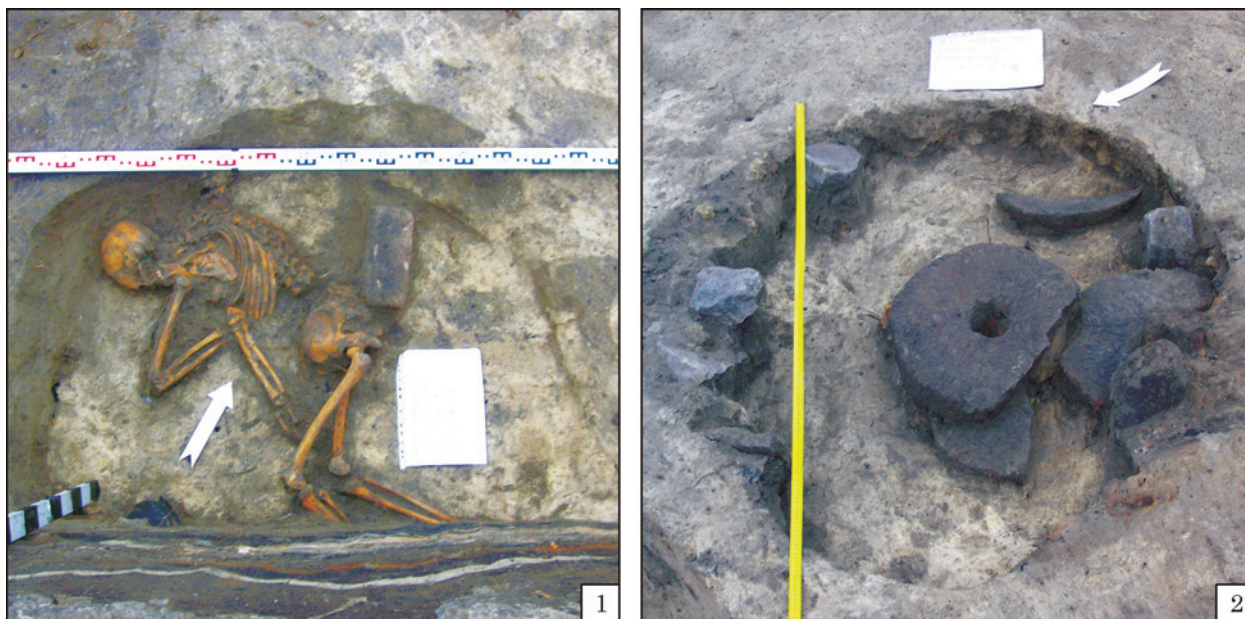

Рис. 8. Сооружение первой половины XIII в., деталь: 1 — объект 23а; 2 — объект 23в (фото автора)

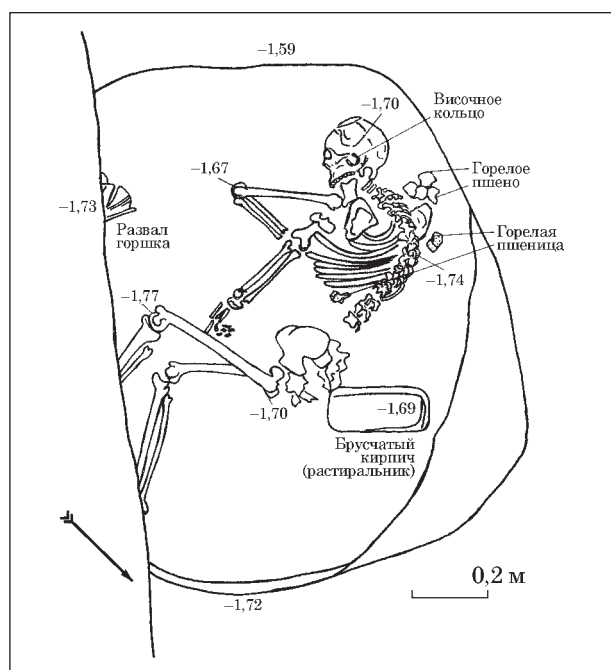

Рис. 9. Скелет женщины, брусчатый кирпич-пальчатка, зерновки культурных растений и развал сосуда в объекте 23а (чертёж автора)

по линии северо-восток — юго-запад, размером $1,4 \times 1,3$ м. Стенки ямы наклонные с плавным переходом ко дну. Дно ровное, зафиксировано на глубине 1,8 м. При исследовании заполнения были обнаружены скелет человека, большое количество древесных угольков, обожжённой глиняной обмазки, обгоревшие до состояния кальцинации кости животных, развал и обломки гончарных сосудов первой половины XIII в. Скелет молодой женщины (25—35 лет), рост (по промеру бедренной кости) около 1,62—1,68 м, лежал на правом боку, скорчено, черепом в

направлении юго-запада (рис. 9). Позвоночник изогнут, череп с нижней челюстью плотно прижат к грудному отделу, левая рука согнута в локте под острым углом, кисть расположена под рёбрами правого бока в области живота. Правая рука вытянута в направлении колен, кисть выпрямлена, кончики пальцев согнуты. Ноги согнуты в коленях под прямым углом, подтянуты к животу. Часть позвонков в районе таза нарушена норой землеройного животного. Правый висок черепа раздроблен сильным ударом, с внутренней стороны черепа на виске и своде прослеживаются следы обширной гематомы. На левом виске обнаружено бронзовое проволочное височное кольцо или серьга диаметром около 2,5 см. На правом виске черепа зафиксированы следы окисла зелёного цвета от ещё одного кольца — серьги, которая не сохранилась. Здесь же на черепе найдены не обгоревшие зерновки проса. Возле костей таза обнаружено лезвие железного ножа. В районе живота и за спиной найдены спёкшиеся комки пшеницы и проса.

Напротив черепа, на дне ямы обнаружены развал горшка первой половины XIII в., заполненного обгоревшими зерновками пшеницы или ячменя (рис. 10: 1). К тазу вплотную прилегал брусчатый кирпич — пальчатка («литовский») размером $25,5 \times 11,5 \times 6$ см. Поверхность кирпича очень заглажена, все грани стёрты. Глиняное тесто этого кирпича с примесью крупно фракционной дресвы, которая занимает около половины объёма в формовочной массе изделия. Обжиг светло-бежевого цвета.

Объект 23б — часть ямы размером $1,1 \times 0,95$ м. Заполнение сложено грунтом темно-серого цвета, стенки прямые с резким переходом в дно. Дно обнаружено на глубине 1,9 м. Северо-восточная часть ямы уничтожена могилей

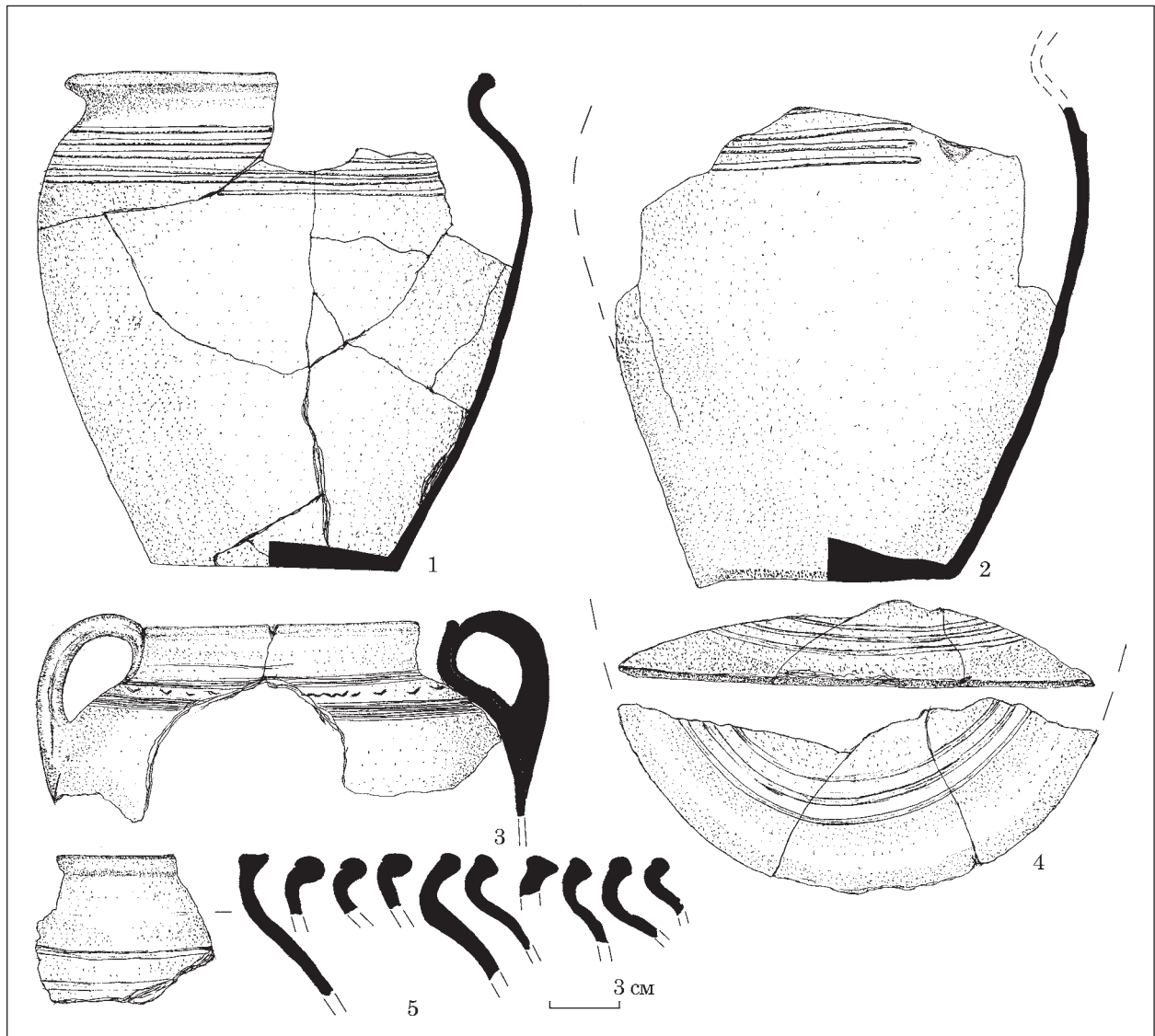

Рис. 10. Керамическая посуда из заполнения постройки первой половины XIII в. (объект 23а, 23в) (рисунок автора)

1941—43 гг. Находки представлены отдельными мелкими фрагментами стенок гончарной керамики.

Объект 23в — яма округлой формы диаметром 1,46 м (рис. 8: 2). Верхняя часть ямы полностью уничтожена поздними перепланировками под бетонный фундамент здания XX в. Стенки ямы прямые с резким переходом в дно. Дно с понижением посередине, зафиксировано на глубине 1,86 м. Заполнение сложено грунтом темно-серого цвета с включением золы и большого количества древесного угля. Вплотную к стенкам ямы по дну находилось восемь гранитных камней, шесть рваных (бут) и два окатанных. Сечение камней колебалось в пределах 18—32 см. По центру лежало два ротационных жерновых камня и крупный обломок ещё от одного жёрнова, который использовался как зернотёрка. Также найдены небольшие обломки плинфы и два продолговатых обломка, сильно затёртого брускового кирпича — паль-

чатки, шириной 11,5 см. Из заполнения происходят развалы гончарных сосудов и кости крупного рогатого скота. Здесь же среди углей был найден обгорелый хлеб/тесто в виде куса лепёшки. Отдельные фрагменты керамики из заполнения этой ямы при реставрации соединялись с керамикой из ямы 23а.

Дополнительно была зафиксирована одна столбовая яма от столба каркаса диаметром 40 см и глубиной 30 см. Сильное нарушение культурного слоя позднейшими перекопами не позволило установить точные размеры и ориентировку сооружения. В общих чертах ориентировочный размер реконструируется в пределах 4,2 × 3,7 м, ориентировка постройки определяется как восток—запад.

Керамическая коллекция с объекта представлена 51 фрагментом гончарной посуды. Это развалы от горшков и крышка (рис. 10). Профилировка венчиков практически однотипна, представлена формами с массивным валиком

Рис. 11. Месторасположение фундаментов храма: 1 — перед процессом раскрытия (фото автора); 2 — после расчистки (аэрофотосъёмка И. В. Зоценка)

по внутреннему краю. Глиняное тесто плотное с примесью песка и включениями большого количества слюдяных (гнейсовых) блёсток. Керамика датируется XIII в. и полностью соотносится с керамической посудой из объектов XIII в., исследованных Белоцерковской экспедицией в 1980-х гг. (Орлов, Моця, Покас 1985, с. 37—39; Иванченко, Орлов 1986, с. 7). В целом хронология керамики и прослеженные следы крупной катастрофы, позволяют уверенно связывать прекращение функционирования объекта с событиями монгольских завоеваний в 1240 г.

По функциональному назначению исследованный объект также можно соотнести с поварней. Здесь происходил комплекс подготовительных работ перед приготовлением пищи, а именно — велась разделка мяса, чистилась рыба, надирались крупы для каш и похлёбок, производился помол муки и замес теста для выпечки хлеба. Подготовленные порции теста, мяса, рыбы и круп далее относились непосредственно к месту приготовления. Напомним также, что в 3—4 м севернее от костяка женщины, в раскопе IV 1983 г. Р. С. Орлов выявил ещё один сильно обгоревший костяк — ребёнка 10 лет (Орлов 1984, с. 21; Орлов, Моця, Покас 1985, с. 35), возможно помощника — поварёнка.

Находка брускового кирпича в объекте 1240 г. позволяет однозначно определить время использования такого кирпича в Юрьеве в пределах первой трети XIII в. с верхней датой — не позже 1230-х гг. Исследованный объект определённо решает все ранее высказывавшиеся сомнения касательно времени появления и использования брускового кирпича, в кладках каменного храма, исследованного экспедицией Р. С. Орлова. Брусковый кирпич-пальчатка известен в объектах, погибших при монгольском завоевании, происходит из жилищ киевлян на усадьбе Михайловского монастыря и близ Десятинной церкви, известен он и из гражданской каменной постройки Переяслава (Каргер 1951, с. 169—177; Асеев, Сикорский, Юра 1967, с. 210, 211; Раппопорт

1989, с. 207—209). Теперь такой кирпич выявлен и в постройке домонгольского времени летописного Юрьева. Интересным оказался факт использования кирпича-брусчатки в качестве растиральников для зерна и приспособление обломка жёрнова как зернотёрки. Сочетание разных орудий для переработки зерна (жернова и зернотёрки) было характерным для земледельческих культур от эпохи раннего железного века до раннего средневековья (Литвинский 1978, с. 31—37). Очевидно, что в Юрьевской поварне с помощью зернотёрки и растиральников из брускового кирпича натиралась крупа для каш и похлёбок¹.

Как уже упоминалось выше, в 2014 г. остатки фундаментов храма вновь были раскрыты с целью музеефикации (Петраускас, Квітницький 2015). На момент проведения работ территория с месторасположением кладок уже была свободна от деревьев и представляла собой свободную площадку, поросшую травой (рис. 11: 1). Это обстоятельство давало возможность полного раскрытия фундаментов, в том числе и неисследованных Р. С. Орловым и В. А. Булкиным зон в районе северной, «центральной» и возможной южной апсид. Повторные обследования должны были разрешить вопросы о конструктивных особенностях фундаментов апсид и ещё раз зафиксировать реальный план фундаментных кладок храма (рис. 11: 2). После окончания полной расчистки кладок было установлено следующее.

С момента завершения раскопок 1980-х гг. и вплоть до 2008 г. кладки фундамента храма дополнительно подверглись очень значительным разрушениям. В 1983—84 гг. в пределах зоны разрушения жертвенника северной апсиды была вырыта яма размером 2 × 3 м и глубиной до 2,2 м для заземления здания краеведческого

1. Современные экспериментальные попытки переработки зерна с помощью зернотёрок показывают невозможность получения чистой муки. При обработке зерна таким способом конечным продуктом выходит смесь грубомолотой муки и крупы.

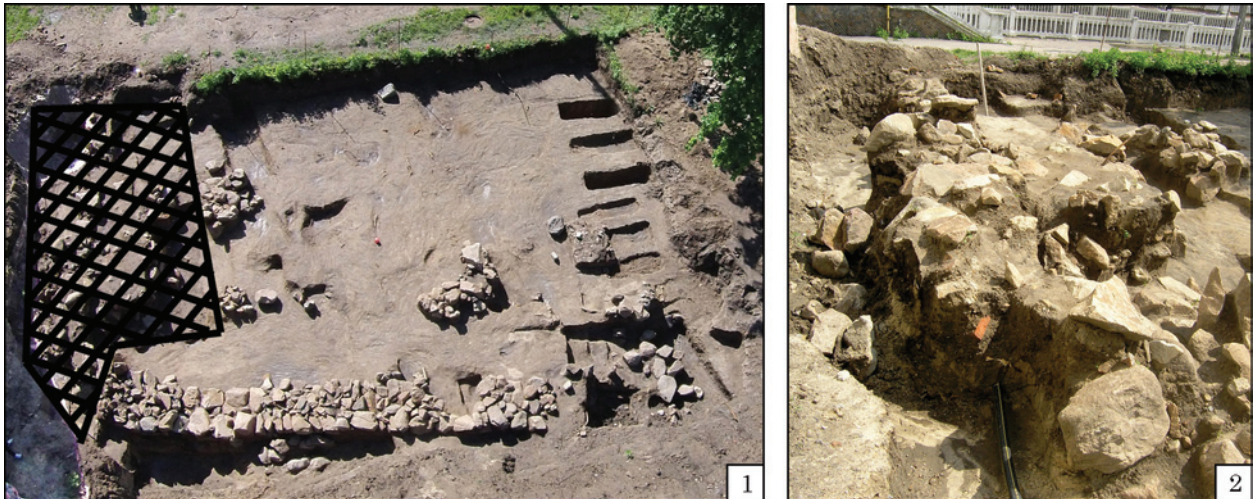

Рис. 12. Фундаменты храма: 1 — с общим участком сплошных разрушений (заштриховано); 2 — с зоной прокладки трубы газоснабжения (фото автора)

музея. Во второй половине 1980-х гг., при обустройстве здесь парковой зоны в пределах простенков фундаментов первой и второй апсиды были прорыты две широкие траншеи. Кладки фундаментов простенков апсид (зона жертвенника и предполагаемого алтаря) были фактически полностью уничтожены. В 2008 г. траншеей подвода газа к зданию музея были нанесены непоправимые разрушения. Была полностью уничтожена и искажена вся первоначальная архитектура остатков апсид (рис. 12: 2). Уничтоженными оказались не только апсиды, но и два больших, неисследованных в 1983 г. (центральный и юго-восточный) участка зон фундаментов апсид храма. К моменту повторного изучения в 2014 г. от зафиксированных в 1980-х гг. фундаментов храма, уцелел лишь участок север-северо-западной (северной по Р. С. Орлову) стены длиной около 10 м, опорная пятка под северо-западный столб и незначительные скопления крайних камней от простенков первой и второй апсид (рис. 12: 1).

Несмотря на такие серьёзные разрушения, повторное обследование сохранившихся «in situ» кладок и вскрытие с северной стороны ранее неисследованного узкого участка кладки размером 0,8 × 1,6 м, позволило прояснить и выявить ряд существенных особенностей фундамента, которые позволяют значительно откорректировать и дополнить сведения об этом памятнике.

Фундаментная кладка северной стены выполнена без использования глиняного или известкового раствора — насухо, с одномоментным заполнением пустот прилегания камней мешаным грунтом. В материковом основании, сложенном жёлтым лёссом, местами прослежены следы от траншеи под фундамент шириной 2—2,1 м (рис. 13: 1). Ширина кладки 1,6—1,8, сохранилась на высоту на 0,7—0,8 м. Прослежено от 1 до 4 рядов кладки. Четвёртый ряд зафиксирован фрагментарно и в общей конструкции кладки фактически не выражен. Основа

выложена из окатанных (моренных) валунов большого размера от 0,6 до 1 м в сечении, второй и третий ряд состоит из валунов и колотых камней меньшего размера (рис. 13: 4). Камни уложены с перевязкой, швы частично либо полностью заполнены грунтом (смесь чернозёма и лёссовидного суглинка), что было сделано ещё на этапе строительства. Часть камней кладки, в том числе и крупных валунов первого ряда, содержит следы известкового раствора — дорожки затёков и пятна стыковки (рис. 13: 2, 3; 15: 4). Расположение этих следов разнообразное, как на боковых сторонах камней, уложенных непосредственно на грунт, так и на других сторонах. Крошек, конкреций или каких-либо массивов раствора при этом не выявлено. Характерно, что камни со следами известкового раствора в кладке лежат хаотично и фиксировались в укладке на разных уровнях всех сохранившихся рядов. Отдельные камни со следами известкового раствора (плёнка и крупички извести), находились среди сохранившихся «in situ» скоплений камней простенка первой апсиды (жертвенника) и в камнях опорной пятки под северо-западный столб (рис. 13: 3).

Для забутовки швов и при закладках подложек для фиксации крупных камней в кладке также использованы мелкие камни, декоративная поливная плитка, разноформатные обломки плинфы толщиной 3,5—5 см со следами известкового раствора, четверти и половинки брускового кирпича — пальчатки и обломки прямоугольной плинфы большого размера. Находок последней среди уложенных камней отмечено несколько, целых изделий не обнаружено. Её ширина 20 см, толщина 6—6,3 см. Следов известнякового раствора на этих плинфах не выявлено, последний отсутствует также и на фрагментах брускового кирпича из забутовки (рис. 14: 3, 4). Формовочное тесто брускового кирпича и широкоформатных плинф толщиной 6 см (из забутовки кладок) идентично и состоит

Рис. 13. Общее название: 1 — остатки фундаментных траншей; 2, 3 — камни первого ряда со следами известкового раствора; 4 — вид с северо-востока на фундамент северной стенки (фото автора)

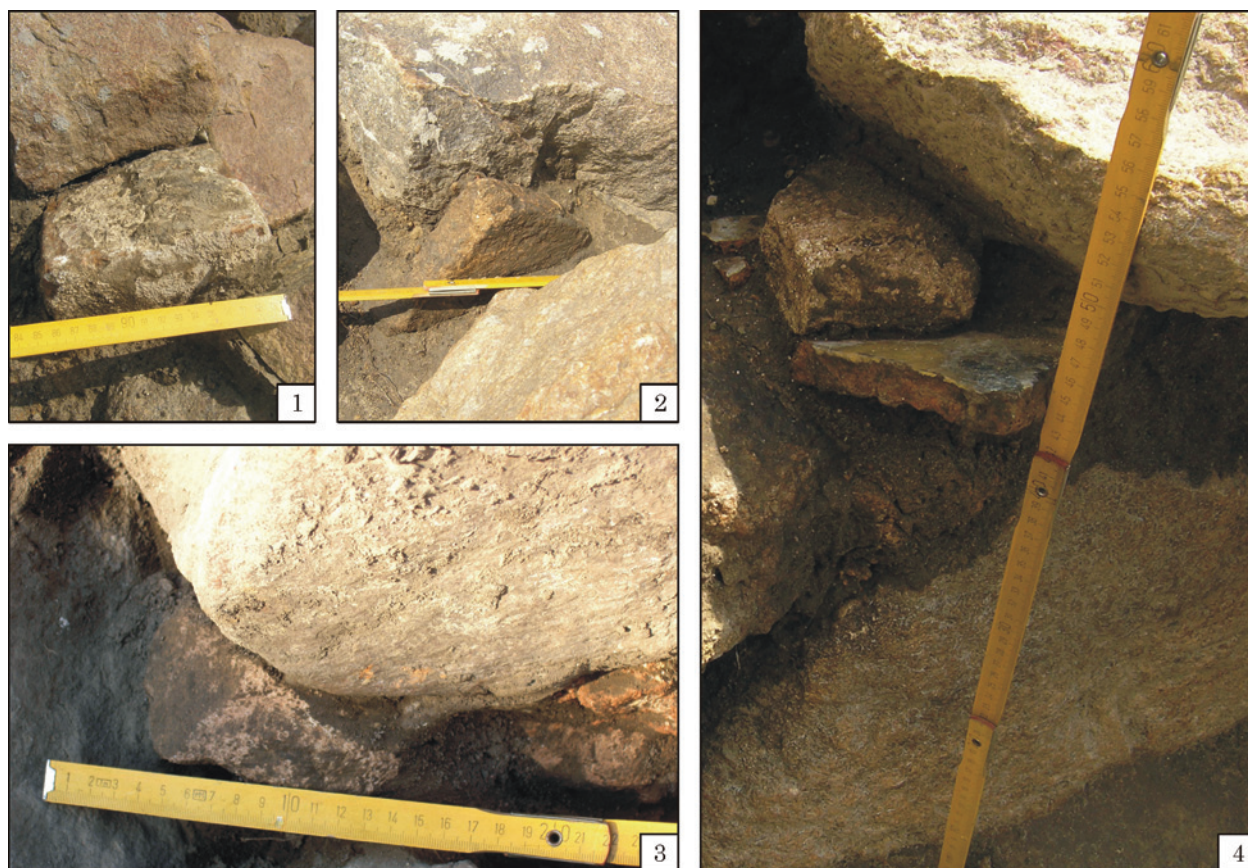

Рис. 14. Забутовка кладок северной стенки: 1, 2, 4 — плинфа и поливная плитка XI в.; 3, 4 — половинки и четверти брускового кирпича (фото автора)

из смешанной массы глины с крупно фракционной дресвой, которая в количественном объёме занимает половину, а иногда и более половины в формовочной массе изделий. Цветовая гамма обжига стабильная — тёмно-бежевый — красный. Кирпич хрупкий, легко крошится пальцами. Кроме этого в забутовке обнаружены обломки плинфы толщиной 3,5—5 см, шириной 14,5 и 18—19 см. Формовочное тесто таких плинф с включением крупнозернистого песка и фракций кварцита диаметром 0,5—1,5 см. Стороны покрыты остатками известнякового (цемячного) раствора (рис. 14: 1, 2). При исследовании места расположения разрушенных апсид собрано более 80 обломков плинфы и брускового кирпича. Ширина брускового кирпича колебалась в пределах 10,5—11,7 см, толщина 6,5—7,7 см. На поверхности верхней постели располагались широкие бороздки от пальцев в количестве от трёх до шести. Формовочная масса в большинстве повторяет ранее отмеченный для этого типа кирпича состав — с большой примесью дресвы. Встречены экземпляры с плотной структурой, где количество дресвы небольшое, в отдельных экземплярах отмечаются одиночные включения кварцита 1—2 см. Цветовая гамма обжига менялась от светло-коричневого до бежевого. На отдельных кирпичиках — пальчатках сохранились остатки песчано-известкового раствора, других примесей в растворе не прослеживалось. Вся плинфа — разноформатная, толщиной от 4 до 6 см, состав формовочного теста также различный с примесями дресвы (толщина плинф 6—6,5 см), песка и включений кварцита от 0,5 до 3 см (толщиной от 4 до 5,5 см). Многие плинфы со следами известкового раствора. В связи с полным разрушением апсид установить, откуда происходила плинфа и брусковый кирпич, невозможно.

В трёх случаях в забутовке кладки северной стенки, сохранившейся «in situ», найдена керамическая плитка для вымостки пола с зелёной и жёлтой глазурью. Толщина плиток 2—2,5 см, часть поверхности с поливой со следами повторного сильного температурного воздействия. Вероятность их случайного попадания в кладку абсолютно исключена, поскольку они фиксировались на границе первого и второго рядов, а одна из этих плиток была зажата камнями и специально нами из кладки не вынималась (рис. 14: 4). Показательно, что вместе с этой плиткой находился обломок брускового кирпича, толщиной 6 см без следов известкового раствора.

Поверхность верхних камней северной стенки в западной части была неравномерно и густо покрыта застывшими каплями цемента — следы деятельности строителей 1983 г. во время проведения раскопок Белоцерковской экспедицией. По всей длине кладки стенки зафиксировано пять расколотых камней. Характер трещин на камнях свидетельствует об их появлении уже после возведения стен. В

ином случае половины этих камней не находились бы рядом. Из них четыре камня с расхождением частей по горизонтали на 2—3 см (рис. 15: 1—4). На пятом расколотом камне-основе, расположенном в месте поворота стены в апсиду, прослежено существенное расхождение колотых частей — по горизонтали на 10—15 см в ширину и смещение, вместе с общим массивом других камней кладки, по вертикали на 25 см (рис. 15: 5а, 5б). Последнее является большой трещиной фундамента, появившейся уже после возведения стен и крыши и, безусловно, очень заметно отображавшейся и на стене здания.

В западной части стенки кладка нарушена двумя позднейшими перекопами — остатками постройки первой половины XVIII в. и распределительного колодца водоснабжения второй половины XX в. На пятне верхнего заполнения постройки (заполнение объекта не выбиралось) расчищено скопление переложённых камней, происходящих из кладки. Среди них выделяется блок из трёх гранитных камней, скреплённых цемячным раствором (рис. 16: 1а, 1б). Примесь толчёной плинфы в растворе незначительна, выражена крупными размерами 1—3 мм красно-коричневого цвета.

Общее наблюдение за рядами кладки северной стенки позволяет предположить, что глубина фундамента в среднем достигала 0,8 м. Выше этой отметки, более чем вероятно, началась выравнивающая и стеновая кладки с применением известкового раствора. В пользу такого предположения косвенно свидетельствует находка среди камней четвёртого ряда кладки заизвесткованных остатков от, предпологаемо, жидкой еды — похлёбки-юшки, состоявшей из мелкой рыбы и пшена (рис. 16: 2, 3). Здесь при исследовании земляной забутовки камней кладки северной стенки, в пределах неисследованной в 1983 г. зоны участка кладки размером 0,8 × 1,6 м, выявлен участок размером 15 × 20 см с плотной концентрацией заизвесткованных зерновок проса, нескольких мелких рыбьих костей (рёбер) и двух рыбьих чешуек размером 5 × 7 мм. Известкование проса и консервация остатков еды в чернозёме возможна была только после одномоментного перекрытия сверху массивом раствора с гашеной известью. Последние обстоятельства и позволяют предполагать наличие кладок с применением известкового раствора после выкладки четвёртого ряда камней фундамента. О сохранившихся остатках кладки из плинфы и брускового кирпича на стыке северной¹ стенки и апсид упоминают Л. И. Иванченко и Р. С. Орлов (Иванченко, Орлов 1986, с. 10).

В западной части выявлено 10 могил немецких военнослужащих периода II мировой вой-

1. В публикации фундамент стены ошибочно назван южным.

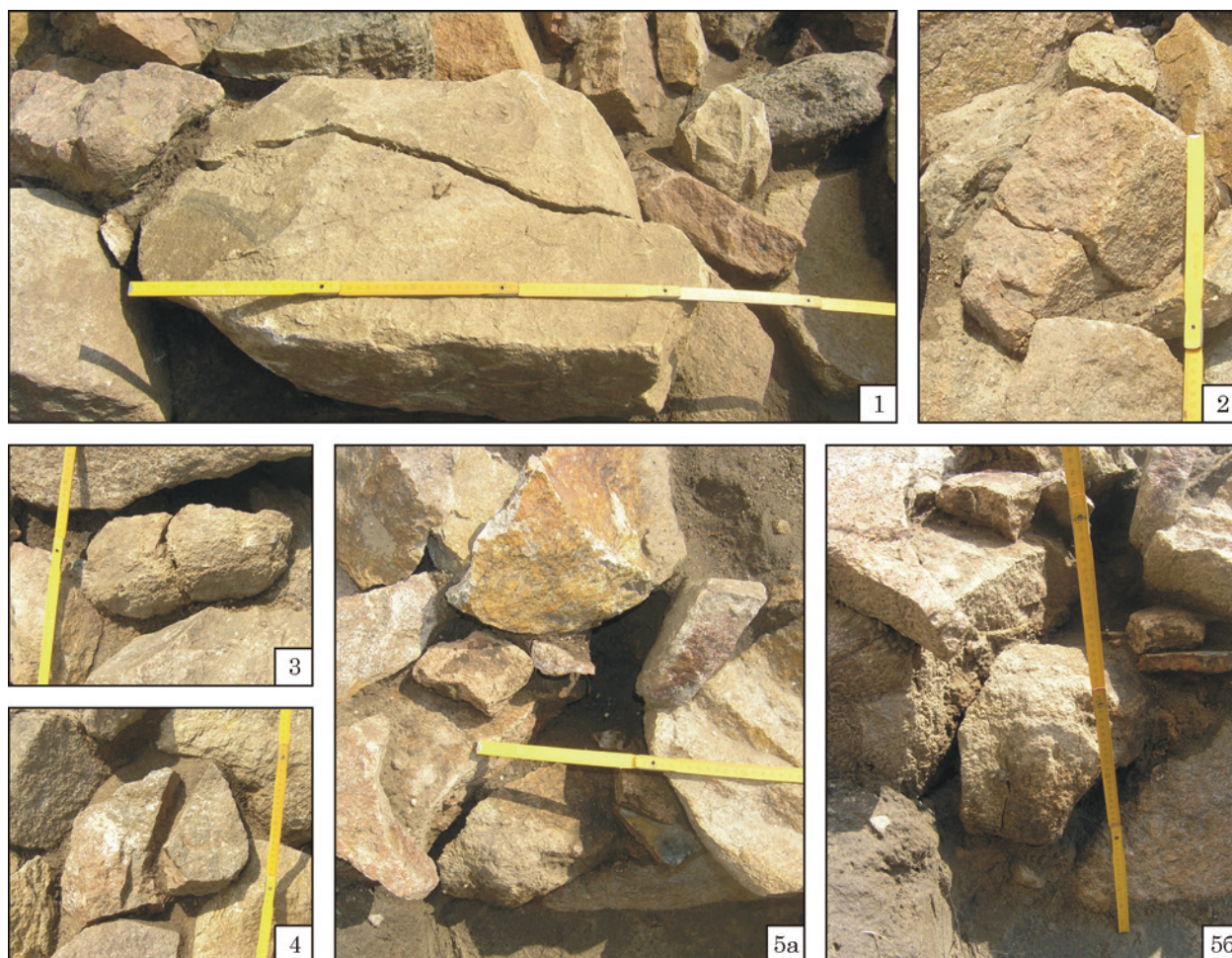

Рис. 15. Северная стенка: 1—4 — треснувшие камни кладки; 5 — трещина кладки фундамента (фото автора)

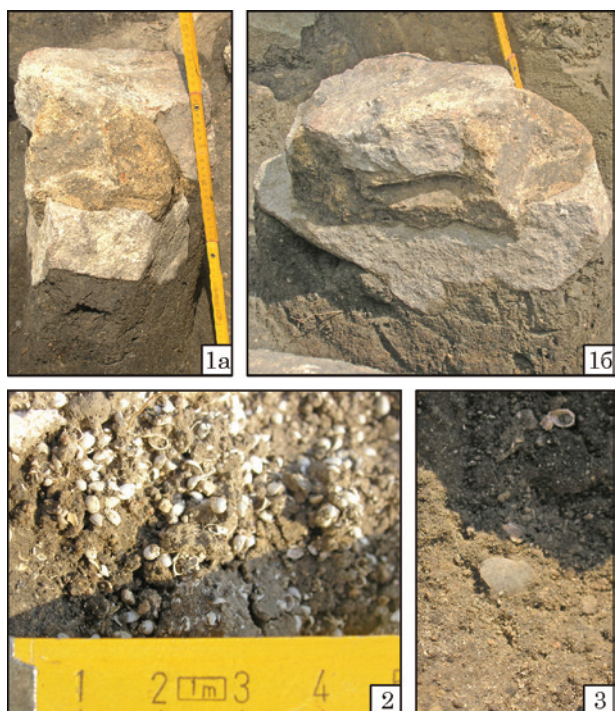

Рис. 16. Забутовка верхнего ряда кладки: 1 — блок камней, скреплённых цементным раствором; 2 — остатки заизвесткованного проса; 3 — рыба чешуйка (фото автора)

ны. Здесь же находилось два массива песчано-известкового раствора с включениями камней и обломков плинф. Две могилы перерезали массивы известкового раствора, размером 1 × 1 м, расположенных в этой части.

После завершения проведения научно-исследовательских работ была осуществлена реконструкция одной из разрушенных апсид, для последующей музеефикации и подготовки к экспонированию (рис. 18).

Таким образом, повторное обследование фундаментных кладок и вышеизложенные наблюдения позволили установить следующее. Сооружение фундамента храма велось с использованием большого количества материалов, ранее бывших в употреблении. Сюда относятся гранитные крупные и мелкие камни со следами известкового раствора, обломки плинфы со следами цементного раствора и поливные плитки пола с зелёной и жёлтой поливой и со следами пребывания в огне. Объёмный массив такого материала в кладках фундаментов предельно чётко указывает на существование в Юрьеве большой каменной постройки, материалы из которой и были использованы в новом строительстве. Этот материал не завозился с других мест. Если доставка небольшого количества

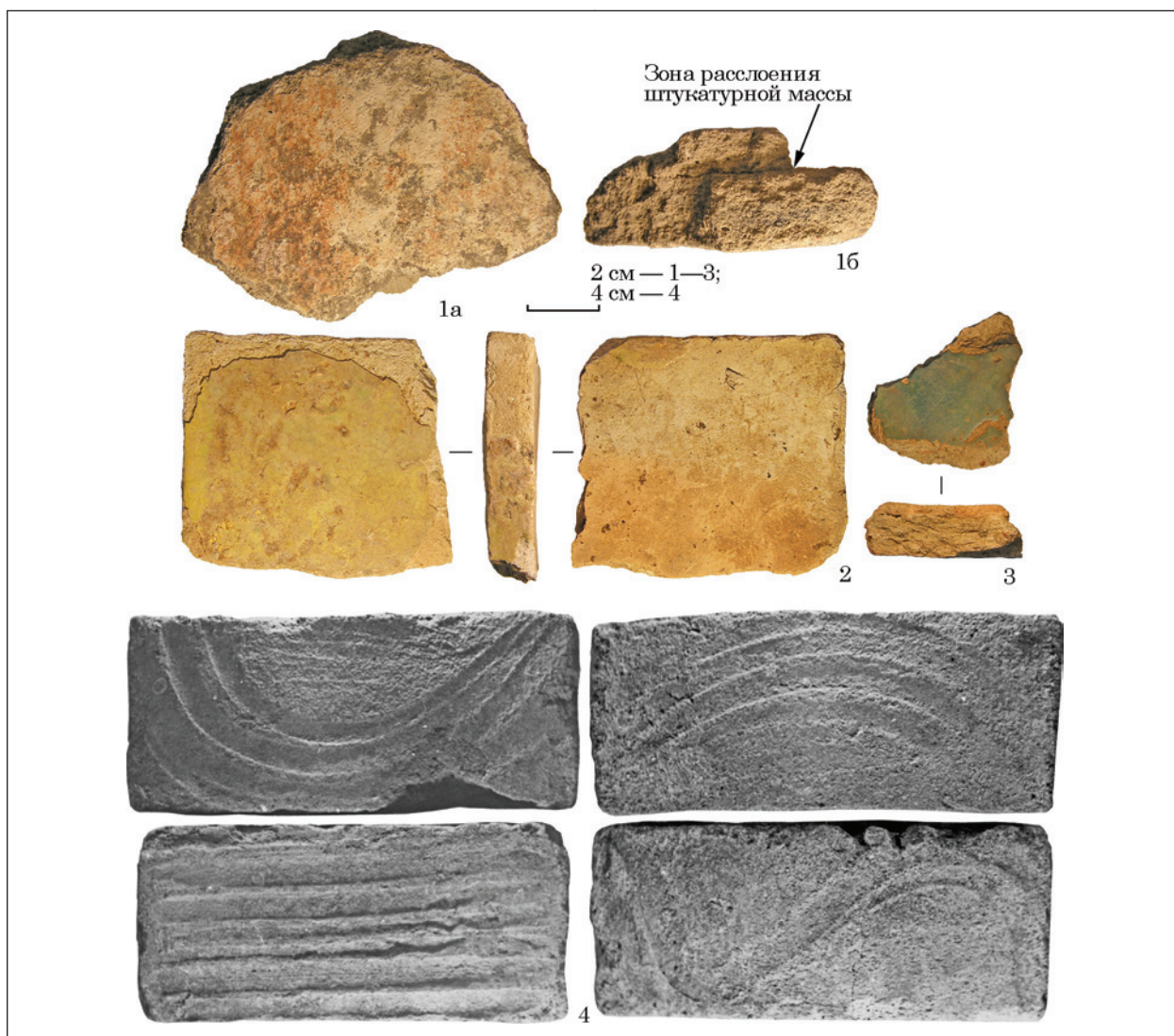

Рис. 17. Исследования 2011 г.: 1 — фрагмент фрески с росписью; поливные плитки второй половины XI в.: 2 — с жёлтой глазурью; 3 — с зелёной глазурью; исследования 1983 г.: 4 — брусковый кирпич-пальчатка (1—3 — фото автора; 4 — по Орлов 1984)

плинфы (неиспользованная на других объектах и / или в качестве образцов для изготовления) вполне возможна, то гранитные камни не привозились, они добывались непосредственно на месте. Совершенно ясно, что и керамическую поливную плитку, брошенную в фундаментную кладку, специально не привозили. Плитка (как и часть плинфы в растворе) использована как обычный строительный мусор, а это безоговорочно указывает, что материал специально не перемещался, а брался по месту рядом с новым строительством.

Датировка этого строительного материала и здания, из

Рис. 18. Реконструкция северной апсиды для экспонирования, исполнитель А. В. Петраускас (фото автора)

которого он был взят, определяется по плинфе и облицовочной плитке в пределах второй половины XI в. Поливная плитка с глазурью жёлтого и зелёного цвета, из забутовок кладок, имеет те же параметры и технические соответствия, что и плитка второй половины XI в., происходящая из объекта второй половины XI в. (яма 3, раскопки 1983 г.) и постройки первой половины XII в. (объект 25, раскопки 2011 г.). Основная часть плинфы в известково-цемяночном растворе из фундамента полностью идентична плинфе из печи объекта 25. Толщина плинфы в растворе колеблется в значениях 3,5—5 см, глиняное тесто с выпалами и фракциями кварцита 0,5—3 см, цветовая палитра обжига от темно-бежевого до жёлто-коричневого. Следует напомнить и сведения Р. С. Орлова и В. А. Булкина, указывавших основные размеры плинф, собранных при исследовании в 1983 г. — 26—28 × 19—21 × 3,5—4,5 см (Орлов, Моця, Покас 1985, с. 43; Булкин 1991, с. 24).

Фиксация большого количества материала с повторным использованием полностью подтверждает ранее высказывавшиеся предположения и выводы о существовании в Юрьеве ещё одного, более раннего каменного храма (Орлов 1984, с. 20; Орлов, Моця, Покас 1985, с. 45; Орлов, Стародуб 2008, с. 55; Квітницький, Непомящих, Петраускас 2013, с. 98, 99), вероятно, построенного во второй половине XI в. Локализация этой постройки определяется там же, где и второй каменный храм. В пользу этого свидетельствует не только значительный массив повторно использованных материалов, но и особенности стратиграфии и планирования расположенных здесь могильников XI и XII—XIII вв. Возможно, более точным указанием на месторасположение первого каменного храма может быть информация о найденном «...большом количестве строительных материалов в котловане к северу от апсид храма...» (Орлов, Моця, Покас 1985, с. 44, 45; Орлов, Стародуб 2008, с. 55).

Фиксация в фундаментных кладках обломков брускового кирпича и плинфы толщиной 6 см без следов известкового раствора указывает, что второй каменный храм изначально возводился с применением этих строительных материалов. Кладка стен была смешанной с использованием большого количества плинфы и камня от стен предыдущего здания. Это была постройка с выведенными стенами из смешанного разноформатного строительного материала. Наличие брускового кирпича без следов раствора в фундаментных кладках на уровне 1—2 рядов полностью решает обозначенную В. А. Булкиным проблему касательно того, велась ли первоначальная кладка из брусчатых кирпичей, или они появились при ремонтах и перестройках более позднего времени (Орлов 1984, с. 20; Булкин 1991, с. 25). Можно уверенно утверждать, что кладки второго храма первоначально велись с применением кирпича — пальчатки, а использование плинфы из разобранного здания храма второй половины

XI в. было вторичным. Либо, другими словами, говорить об возведении второго каменного храма летописного Юрьева в период, когда брусковый кирпич (пальчатка или «литовский») уже был известен древнерусским зодчим.

Стены и перекрытия второго храма были выведены полностью. Треснувшие камни в кладке свидетельствуют о достаточно мощной нагрузке на фундамент, что является безусловным отражением существования полностью возведённых стен. Р. С. Орловым подчёркивалось, что храм не был расписан, поскольку не было найдено ни одного фрагмента штукатурки с росписью (Орлов, Стародуб 2008, с. 55). Раскопки 2011 г. позволяют опровергнуть утверждение об отсутствии росписей стен. Во время разбора заполнения позднесредневековой постройки второй половины XVII — первой половины XVIII вв. (объект 22) в придонном заполнении, на полу, был найден фрагмент штукатурки с фресковой росписью (рис. 17: 1а, 1б). Это фрагмент из плотной известково-песчаной смеси, светло-жёлтого цвета, толщиной 3,2 см и размером 7,1 × 8,4 см. Поверхность покрытия тонким слоем побелки. Сохранился рисунок, выполненный красно-коричневой краской. Намеченное расслоение штукатурки на сломе образца хорошо указывает на технический приём её нанесения — в два этапа, с набрасыванием второго слоя по ещё сырому, но уже сцепленному со стеной, слою первой штукатурной протяжки.

Зафиксированная трещина и просадка на 25 см фундамента в месте перехода северной стены в апсиду, также может быть следствием чрезмерно большой нагрузки на фундамент в этом месте, либо, скорее всего, являются отображением явления природного характера — землетрясения (?).

Изложенные выше наблюдения и выводы позволяют уточнить дату постройки второго каменного храма. Очевидно, что ответ здесь напрямую связан с определением времени начала использования брускового кирпича в архитектуре древнерусских зданий.

Результаты исследований фиксируют наличие этого типа материалов в 1240 г. Эта дата, конечно, не является отправной точкой появления такого типа кирпича на Руси. Условному «выпадению» в культурный слой предшествовал момент начального появления и использования таких кирпичей. Последнее должно было произойти минимум за 5—10 лет до первой археологизации брускового кирпича в объектах 1240 г. Ныне установлено наиболее раннее присутствие таких кирпичей в объектах древнерусского Киева, Переяслава и Юрьева. Кроме этого И. Р. и Р. И. Могитычи указали на находки брусчатого кирпича и в древнерусских материалах (с верхней датой 1223 г.) исследований В. К. Гончарова на городище Иван возле г. Ржищев Киевской обл. (Могитич, Могитич 1990, с. 62).

М. В. Малевская отметила, что всплеск кирпичного строительства начался в Польше с 20-х гг.

XIII в., с приходом доминиканцев Ломбардии. Со второй четверти XIII в. Польша стала краем кирпичного строительства, в то время как в других странах Европы господствовала каменная архитектура (Малевская 1989, с. 214). И. Р. и Р. И. Могитычи подчеркнули, что кирпичное строительство начало преобладать в конце XII в. в Северной Германии и Дании. К середине XIII в. строительство из кирпича становится распространённым в большинстве стран Западной Европы. На территории Польши кирпичное строительство стало преобладать даже в регионах богатых на природный камень. Проникновению на Русь техники строительства с применением брусчатого кирпича, благоприятствовали широкие связи русских княжеств со странами Европы (Могитич, Могитич 1990, с. 61). П. А. Раппопорт появление брусчатого кирпича связал с землетрясением 1230 г. Суть этого явления, произошедшего на территории от Владимира (Суздальское княжество) до Киева с Переяславом, не ясна¹. Последствия выразились в летописных описаниях разрушений Успенского собора Печерского монастыря в Киеве, и Михайловского собора в Переяславе (Раппопорт 1989, с. 210). Вероятно, что разрушения коснулись и прочих каменных зданий, как в Киеве, так и в других городах. По мнению П. А. Раппопорта, после 1212 г. строительство в Киеве прекратилось, а киевская строительная артель переместилась в Черниговское княжество, где работала вплоть до монгольского вторжения. Ликвидация последствия землетрясения потребовала привлечение других строительных артелей. Появление мастеров, принёсших новую технику и тип строительных материалов, по мнению исследователя, может быть связано с деятельностью князя Даниила Галицкого, имевшего тесные связи с Польшей и в то же время фактически осуществившего суверенитет над Киевом. В результате полностью была перестроена Киевская Ротонда, восстановлен Успенский собор Печерского монастыря, произведены восстановительные работы в Переяславе (Раппопорт 1989, с. 209, 210). Применение брусчатого кирпича в каменном зодстве Галицкой земли И. Р. и Р. И. Могитычи относят к концу XII — началу XIII вв. К наиболее ранним постройкам отнесены храм Иоанна Крестителя во Львове, Васильевская церковь во Владимире-Волынском, башня в Столпье и другие (Могитич, Могитич 1990, с. 61—64).

Необходимость восстановительных работ в Киеве и Переяславе является веским аргументом в предполагаемом появлении польских мастеров в Киевском княжестве. Вместе с тем предполагаемое появление таких мастеров в Юрьеве, на территории Поросья требует до-

полнительной аргументации. Связано это с находками плинфы, относящейся к Юрьевскому храму и имеющей аналоги в других постройках — церкви Гнилецкого монастыря и малого храма в Белогородке, которые, по мнению П. А. Раппопорта, были возведены в первые десятилетия XIII в. (Раппопорт 1989, с. 210). Последнее требует определённого согласования с фактом использования брусчатого кирпича.

Что могло послужить причиной кардинального решения о полной перестройке храма? Возможно, вследствие неизвестных факторов, в том числе и землетрясения 1230 г., здание второй половины XI в. было разрушено до той степени, когда проще было возвести новую постройку, чем восстановить предыдущую. Необходимость в большом епархиальном храме также была обусловлена христианизацией и переселением в Поросье части половцев в 1222—1224 гг. Разбор остатков старой постройки и возведение нового здания требовало больших усилий. Вероятно, вместе с европейскими мастерами, в возведении храма участвовала какая-то часть строителей киевской школы. Последние изготовляли и использовали в кладке плинфу, датирующуюся исследователями концом XII — первой половиной XIII вв. а также перенимали новую технику строительства. Так либо иначе, возведение второго Юрьевского храма, впервые исследованного экспедицией Р. С. Орлова, мы можем отнести к 20-м — началу 30-х гг. XIII в. (Петраускас, Квітницький 2015, с. 100).

Материалы археологических исследований и наблюдений позволяют утверждать, что первый каменный храм в Юрьеве был сооружён во второй половине XI в. В его декоре использовалась половая глазурированная плитка с однотонной поливой жёлтого, зелёного и, возможно, краснокоричневого цвета. В 1096 г. храм был разрушен половцами при общем разгроме города. После возвращения в 1103 г. юрьевцев, при обустройстве часть материалов с кладок разрушенных стен использовалась для хозяйственных нужд. Планировка этого здания нам не известна, но в целом можно предполагать традиционную для Руси трёхапсидную конструкцию.

В 1220-х — начале 1230-х гг. возводится второй каменный храм. В постройке здания участвуют как западноевропейские мастера, использовавшие новый тип материалов — брусчатый кирпич и песчано-известковый раствор, так и часть зодчих киевской школы (работавших с традиционными материалами — плинфой). Храм изнутри был оштукатурен и расписан. После возведения храма в месте перехода северной стены в апсиду здание треснуло. Точное время появления этой трещины не известно. Сохранившиеся остатки фундаментных кладок от двух апсид, по общей конфигурации, позволяют предполагать пятиапсидное планирование храма. Оба каменных храма были сооружены в честь святого Георгия.

1. Одним из возможных событий, вызвавших обширное землетрясение в геологически неактивных регионах Восточно-Европейской равнины и разрушения каменных построек, могло быть падение какого-то крупного космического тела (кометы).

ЛИТЕРАТУРА

Асеев, Ю. С., Сикорский, М. И., Юра, Р. А. 1967. Памятники гражданского зодчества XI в. в Переяславле-Хмельницком. *Советская археология*, 1, с. 199-214.

Брайчевский, М. Ю., Трохимец, П. А. 1961. Новые археологические материалы истории Белой Церкви. *Советская археология*, 4, с. 218-226.

Булкин, В. А. 1984. *Полевой дневник 1 июля — 28 июля 1983 года. г. Белая Церковь, Киевской области. 1984 г.* Рукопись. Личный архив Р. С. Орлова.

Булкин, В. А. 1991. Древнерусский храм в г. Юрьеве (Белая Церковь). В: *Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини. Тези доповідей першої науково-практичної обласної конференції, присвяченої 140-річчю з дня народження В. В. Хвойки, жовтень 1991 р., с. Білогородка. Київ*, с. 24-25.

Иванченко, Л. И., Орлов, Р. С. 1986. Про локалізацію літописного Юр'єва. *Археологія*, 53, с. 1-14.

Калик, О. П., Сагайдак, М. А. 1988. Склад керамічної продукції XII ст. з київського Подолу. *Археологія*, 61, с. 36-47.

Каргер, М. К. 1951. *Археологические исследования древнего Киева*. Киев: АН УССР.

Квітницький, М. В. 2007. Пороська захисна лінія: етапи формування та розвитку (В світлі писемних та археологічних джерел). В: Степенкін, С. Я. (ред.). *Місце і значення Пороська в історії України (IX—XVII ст.)*. Матеріали науково-практичної конференції, 28 листопада 2007 р. Корсунь-Шевченківський, с. 17-50.

Квітницький, М. В., Непоміятих, В. Ю., Петраускас, А. В. 2013. Археологічні дослідження літописного Юр'єва. В: Івакін, Г. Ю. (ред.). *Слов'яни і Русь: археологія та історія. Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 75-річчя*. Київ: Стародавній світ, с. 90-113.

Козюба, В. К. 1998. Південноруське сільське житло (матеріали до реконструкції заглибленого житла XI—XIII ст.). *Археологія*, 1, с. 28-45.

Литвинский, Б. А. 1978. *Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии)*. Москва: Наука.

Лысенко, С. Д., Шкляревский, Е. И., Квитницький, М. В., Черновол, Д. К. 2012. *Многослойное поселение Кошечевка 8. Киев; Фастов*. Матеріали Фастовської археологічної експедиції, 1.

Малевская, М. В. 1989. Применение брускового кирпича в архитектуре Западной Руси второй половины XIII—XIV в. *Советская археология*, 4, с. 212-222.

Могитич, І. Р., Могитич, Р. І. 1990. Особливості техніки мурування і архітектурних форм Галицько-Волинського зодчества (XXIV ст.). *Археологія*, 4, с. 56-68.

Орлов, Р. С. 1981. *Отчёт о работе Белоцерковской экспедиции в 1980 году*. НА ІА НАН України, ф. 64, 1980/25.

Орлов, Р. С. 1984. *Отчёт о разведках в Житомирской области и раскопках в г. Белая Церковь Киевской области в 1983 году (текст и иллюстрации)*. Рукопись. Личный архив Р. С. Орлова.

Орлов, Р. С., Моця, А. П., Покас, П. М. 1985. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей. В: Толочко, П. П. (ред.). *Земли Южной*

Руси в IX—XIV вв. (история и археология). Киев: Наукова думка, с. 30-61.

Орлов, Р. С., Стародуб, О. В. 2008. Культурні споруди на Замковій горі м. Біла Церква у XI—XVIII ст. В: Івакін, Г. Ю. (ред.). *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради*. Коростень: Тріада С, II, с. 54-58.

Петраускас, А. В., Квітницький, М. В. 2015. Вивчення та реконструкція фундаменту давньоруського храму на Замковій горі м. Біла Церква. *Археологічні дослідження в Україні 2014 р.*, с. 95-100.

Раппопорт, П. А. 1982. *Русская архитектура X—XIII вв.* Ленинград: Наука. Археология СССР. Свод археологических источников, Е 1-47.

Раппопорт, П. А. 1989. О времени появления брускового кирпича на Руси. *Советская археология*, 4, с. 207-211.

Фараджаева, Н. Н. 2017. Новгородские постройки с печью в центре (по материалам Троицкого раскопа). В: Чернецов, А. В. (ред.). *Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М. Д. Полубояриновой*. Москва: ИА РАН, с. 33-47.

Федоров, В. И. 1985. Успенский собор: Исследование и проблемы сохранения памятника. В: Смирнова, Э. С. (ред.). *Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования*. Москва: Наука, с. 52-68.

REFERENCES

Aseyev, Yu. S., Sikorskiy, M. I., Yura, R. A. 1967. Pamyatniki grazhdanskogo zodchestva XI v. v Pereyaslavle-Khmelnitskom. *Sovetskaya arkheologiya*, 1, s. 199-214.

Braychevskiy, M. Yu., Trokhimets, P. A. 1961. Novyye arkheologicheskiye materialy istorii Beloy Tserkvi. *Sovetskaya arkheologiya*, 4, s. 218-226.

Bulkin, V. A. 1984. *Polevoy dnevnik 1 iyulya — 28 iyulya 1983 goda. g. Belaya Tserkov. Kievskoy oblasti. 1984 g.* Rukopis. Lichnyy arkhiv R. S. Orlova.

Bulkin, V. A. 1991. Drevnerusskiy khram v g. Yuryeve (Belaya Tserkov). In: *Problemy vyuchennia ta okhorony pam'iatok arkheolohii Kyivshchyny. Tezy dopovidei pershoi naukovopraktychnoi oblasnoi konferentsii, prysviachenoi 140-richchiu z dnia narodzhennia V. V. Khvoiki, zhovten 1991 r., s. Bilohorodka*. Kyiv, s. 24-25.

Ivanchenko, L. I., Orlov, R. S. 1986. Pro lokalizatsiiu litopysnoho Yur'ieva. *Arkheolohiia*, 53, s. 1-14.

Kaliuk, O. P., Sahaidak, M. A. 1988. Sklad keramichnoi produktsii XII st. z kyivskoho Podolu. *Arkheolohiia*, 61, s. 36-47.

Karger, M. K. 1951. *Arkheologicheskiye issledovaniya drevnego Kieva*. Kiev: AN USSR.

Kvitnytskyi, M. V. 2007. Poroska zakhysna liniia: etapy formuvannia ta rozvytku (V svitli pysemnykh ta arkheolohichnykh dzherel). In: Stepenkin, S. Ya. (ed.). *Mistse i znachennia Porossia v istorii Ukrainy (IX—XVII st.)*. Materialy naukovopraktychnoi konferentsii, 28 lystopada 2007 r. Korsun-Shevchenkivskiy, s. 17-50.

Kvitnytskyi, M. V., Nepomiaschchykh, V. Yu., Petrauskas, A. V. 2013. Arkheolohichni doslidzhennia litopysnoho Yur'ieva. In: Ivakin, H. Yu. (ed.). *Slov'iany i Rus: arkheolohiia ta istoriia. Zbirka prats na poshanu diisnoho chlena Natsionalnoi akademii nauk Ukrainy Petra Petrovycha Tolochka z nahody yoho 75-richchia*. Kyiv: Starodavnii svit, s. 90-113.

Kozyuba, V. K. 1998. Pivdennoruske silske zhytlo (materialy do rekonstruktsii zahlyblenoho zhytla XI—XIII st.). *Arkheolohiia*, 1, s. 28-45.

Litvinskiy, B. A. 1978. *Orudiya truda i utvar iz mogilnikov Zapadnoy Fergany (arkheologicheskiye i etnograficheskiye materialy po istorii kultury i religii Sredney Azii)*. Moskva: Nauka.

Lysenko, S. D., Shklyarevskiy, E. I., Kvitnitskiy, M. V., Chernovol, D. K. 2012. *Mnogosloynoye poseleniye Koshecheyevka 8. Kiev; Fastov*. Materialy Fastovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 1.

Malevskaya, M. V. 1989. Primeneniye bruskovogo kirpicha v arkhiterture Zapadnoy Rusi vtoroy poloviny XIII—XIV v. *Sovetskaya arkheologiya*, 4, s. 212-222.

Mohytych, I. R., Mohytych, R. I. 1990. Osoblyvosti tekhniky muruvannya i arkhitekturnykh form Halys'ko Volyns'koho zodchestva (X—XIV st.). *Arkheolohiya*, 4, s. 56-68.

Orlov, R. S. 1981. *Otchet o rabote Belotserkovskoy ekspeditsii v 1980 godu*. NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1980/25.

Orlov, R. S. 1984. *Otchet o razvedkakh v Zhitomirskoy oblasti i raskopkakh v g. Belaya Tserkov Kievskoy oblasti v 1983 godu (tekst i illyustratsii)*. Rukopis. Lichnyy arkhiv R. S. Orlova.

Orlov, R. S., Motsya, A. P., Pokas, P. M. 1985. Issledovaniya letopisnogo Yuryeva na Rosi i ego okrestnostey. In: Tolochko, P. P. (ed.). *Zemli Yuzhnoy Rusi v IX—XIV vv. (Istoriya i arkheologiya)*. Kiev: Naukova dumka, s. 30-61.

Orlov, R. S., Starodub, O. V. 2008. Kultovi sporudy na Zamkovii hori m. Bila Tserkva u XI—XVIII st. In: Ivakin, H. Yu. (ed.). *Starodavnii Iskorosten i slov'ianski hrady*. Korosten: Triada S, II, s. 54-58.

Petrauskas, A. V., Kvitnytskyi, M. V. 2015. Vychennia ta rekonstruktsiia fundamentu davnoruskoho khramu na Zamkovii hori m. Bila Tserkva. *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraini 2014 r.*, s. 95-100.

Rappoport, P. A. 1982. *Russkaya arkhitectura X—XIII vv.* Leningrad: Nauka. *Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov*, E 1-47.

Rappoport, P. A. 1989. O vremeni poyavleniya bruskovogo kirpicha na Rusi. *Sovetskaya arkheologiya*, 4, s. 207-211.

Faradzhayeva, N. N. 2017. Novgorodskiy postroyki s pechyu v tsentre (po materialam Troitskogo raskopa). In: Chernetsov, A. V. (ed.). *Pamyatniki srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Evropy. K yubileyu M. D. Poluboyarinovoy*. Moskva: IA RAN, s. 33-47.

Fedorov, V. I. 1985. Uspenskiy sobor: Issledovaniye i problema sokhraneniya pamyatnika. In: Smirnova, E. S. (ed.). *Uspenskiy sobor Moskovskogo Kremlya. Materialy i issledovaniya*. Moskva: Nauka, s. 52-68.

М. В. Квітницький

КАМ'ЯНІ ХРАМИ ЛІТОПИСНОГО ЮР'ЄВА: ЕТАПИ БУДІВНИЦТВА ТА ПЛАНУВАННЯ

Локалізація літописного Юр'єва була історичною проблемою, пов'язаною з намаганням знайти головну кам'яну споруду Юр'ївського єпископства. Дослідження 1980-х рр. під керівництвом Р. С. Орлова виявили неповні залишки фундаментів давньоруського храму і розв'язали цю наукову проблему. Храм був інтерпретований як триапсидний чотирихстовий споруда і датований кінцем 12 — першою половиною 13 ст. Пізніше осмислення отриманих матеріалів змусило перших авторів досліджень поставити під сумнів інтерпретацію фундаментів як залишків триапсидної споруди. У 2011 та 2014 рр. в зв'язку з ідеєю музеєфікації фундаментів та архітектурного відтворення храму часів Київської Русі були проведені додаткові дослідження та повторно розкриті кладки фундаментів. Нові результати досліджень та матеріали дозволяють стверджувати, що кам'яних споруд було дві. Перша побудована у другій половині 11 ст. на цем'янковому розчині з використанням природного каменю — граніту, плинфи, полив'яних плиток підлоги зеленого та жовтого кольору. У 1096 р. храм зазнав часткових руйнувань під час погрому міста половцями. У 1220-х — 1230-х рр. споруда 11 ст. була повністю розібрана а на її місці побудований другий храм. Спорудження велось з використанням матеріалів зі стін попередньої будівлі, за участі будівельників київської

школи та західної Європи. Останні принесли нову техніку кладки та матеріали брускову цеглу і вапняково-піщаний розчин. Знахідки брускової цегли підтверджують данні про початок використання цього матеріалу в давньоруському зодчестві з кінця першої чверті 13 ст. Нова споруда всередині була обштукатурена, стіни розписані. Після зведення стін, в місці переходу північної стінки в апсиду, з'явилася тріщина і просадка фундаменту. Є вагомі підстави вважати, що новий храм був п'ятиапсидним.

Ключові слова: Біла Церква, Юрьев, Замкова гора, церква святого Георгія, брусцата цегла, пальчатка, литовська цегла, поварня, Давня Русь.

M. V. Kvitnitskiy

STONE TEMPLES OF YURIEV: PLANNING AND STAGES OF CONSTRUCTION

For a long time the localization of Yuriev (now Bila Tserkva — the city in the Kyiv region of Ukraine) has been the subject of discussions connected to the attempts to find a stone temple. Excavations in 1980-s, made by Ruslan Orlov, have discovered the remains of the temple and put the end to debate. The temple was interpreted as a four-pillar three-apsed structure and dated to the late 12th — first half of the 13th century. Further comprehension of the materials made the authors of the study to question this interpretation. In 2011 and 2014, in connection with the idea of a museum foundation and architectural reproduction the foundations of temple were discovered. Two outbuildings of the first half of the 12th century and the first half of the 13th century have been found. The outbuilding of the 12th century contained the building materials of the 2nd half of the 11th century. In the outbuilding of the first half of the 13th century bar bricks were found. After the excavations it was cleared that the foundations were significantly damaged and the apse was completely destroyed in 2008. New finds and materials allow to suggest that here two stone buildings have been existed. The first one was built in the second half of the 11th century and completely dismantled in the first third of the 13th century. From these materials the second temple was built with the participation of the builders of the Kyiv school and Western Europe. The latter have brought new masonry techniques and materials (brick and limestone sand mortar). There are good reasons to suggest that the new temple was a five-apsed.

Keywords: Bila Tserkva, Yuriev, Castle Hill, St. George's Church, block bricks, palm, Lithuanian brick, cookery, Old Rus.

Oдержано 12.11.2019

КВІТНИЦЬКИЙ Максим Валерійович, науковий співробітник, Придністровський державний університет ім. Т. Г. Шевченка, вул. 25 Октября, 128, г. Тирасполь, 3300-MD, Молдова.

KVITNITSKIY Maksym, Research Officer, the Shevchenko Transnistria State University, October 25 str., 128, Tiraspol, 3300-MD, Moldova. ORCID: 0000-0002-2701-4838; e-mail: kvitnitskiy@i.ua.